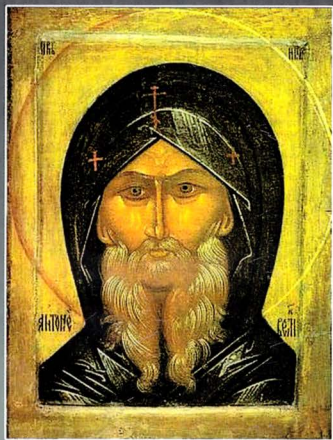

ПРЕПОДОБНЫЙ АНТОНИЙ ВЕЛИКИЙ

ЖИТИЕ И ПОСЛАНИЯ

ПРЕПОДОБНЫЙ
АНТОНИЙ
ВЕЛИКИЙ

ЖИТИЕ И ПОСЛАНИЯ

Синтагма

2010

УДК 27-36
ББК 86.37
П 72

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС 10-18-1909

Преподобный Антоний Великий. Житие и послания.
Духовно-просветительское издание. М: ООО «Синтагма»,
2010 – 256 с. ISBN 978-5-7877-0064-0.

Настоящее издание включает в себя две части.

Первая часть содержит повествование о жизни и чудесах Святого Антония Великого, считающегося основателем монашества, написанное святителем Афанасием Великим, епископом Александрийским, известным богословом и церковным деятелем IV века.

Вторая часть менее известна, ее главным содержанием являются подвижнические послания, которые большинство известных христианских исследователей приписывают преподобному Антонию Великому.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-7877-0064-0

© ООО «Синтагма», 2010

Часть первая: печатается без изменений и дополнений по изданию: Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. Часть III. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1903.

Часть вторая: перевод по изданию: THE LETTERS OF SAINT ANTONY THE GREAT. Translated by Derwas J. Chitty, D. D. Foreword by Bishop Kallistos of Diokleia. SLG Press. Convent of the Incarnation. Fairacres Oxford Eighth Impression 1995.

Часть I

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО
ОТЦА НАШЕГО
АНТОНИЯ,

*описанное
святым Афанасием Великим
в послании к инокам,
пребывающим в чужих
странах*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В доброе соревнование с египетскими иноками вступили вы, пожелав или сравниться с ними, или даже превзойти их своими подвигами в добродетели. Ибо и у вас уже появляются монастыри и водворяются иноки. Посему такое расположение ваше достойно похвалы и того, чтобы усовершил его Бог по молитвам вашим.

Поелику же и у меня требовали вы сведений о житии блаженного Антония и, чтобы самим вам приобрести его ревность, пожелали вы знать, как начал он свою подвижническую жизнь, каков был до поступления в нее, какой имел конец жизни и справедливо ли

все о нем рассказываемое, — то с великою готовностью принял я ваше требование; потому что и для меня много пользы в одном воспоминании об Антонии, да и вы, как уверен я, услышав о нем и подивившись ему, пожелаете устремиться к той же цели, какая и им была предположена. Ибо жизнь Антония для иноков — достаточный образец подвижничества. Поэтому не почитайте невероятным, что рассказывали вам об Антонии, а паче оставайтесь в той мысли, что еще немногое только услышано вами; потому что и это малое, без сомнения, трудно было пересказать вам. Если и я, по убеждению вашему, опишу что в этом послании, то сообщу вам только немногое, что припомню об Антонии. И вы не переставайте спрашивать у всякого, кто плывет отсюда. Ибо из рассказов каждого о том, что кто знает, составитя, может быть, и полное повествование об Антонии.

Так и я, получив послание ваше, намеревался вызвать некоторых иноков, особливо же тех, которые чаще других бывали при нем, чтобы, получив более сведений, и вам сообщить что-либо более полное. Но поелику время плаванья приходило к концу и отправляющийся с письмами спешил, то потщился я написать вашему благословию, что знаю об Антонии сам, многократно видел его, и какие сведения мог приобрести о нем, когда был его учеником и возливал воду на руки ему. Во всем же заботился я об истине, чтобы иной, услышав больше надлежащего, не впал в неверие или также, узнав меньше должного, не стал с неуважением думать об этом муже.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО АНТОНИЯ ВЕЛИКОГО

1. Антоний родом был египтянин. Поелику родители его, люди благо-родные, довольно богатые, были хрис-тиане, то и он воспитан был по-хрис-тиански и в детстве рос у родителей, не зная ничего иного, кроме их и своего дома. Когда же стал отроком и преспе-вал уже возрастом, не захотел учиться грамоте, ни сближаться с другими от-роками, но имел единственное жела-ние, как человек *нелукав*, по описанию об Иакове, жить в дому своем (Быт. 25: 27). Между тем ходил он с родителями в храм Господень; и не ленился, когда

был малым отроком, не сделался небрежным, когда стал уже возрастать, но покорен был родителям и, внимательно слушая читаемое в храме, соблюдал в себе извлекаемую из того пользу. Воспитываемый в умеренном достатке, он не беспокоил родителей требованием разных и дорогих яств, не искал услаждения в снедах, но довольствовался тем, что было, и ничего больше не требовал.

2. По смерти родителей остался он с одною малолетнею сестрою и, будучи восемнадцати или двадцати лет от роду, сам имел попечение и о доме, и о сестре. Но не минуло еще шести месяцев по смерти его родителей, как он, идя по обычаю в храм Господень и собирая воедино мысли свои, на пути стал размышлять, как апостолы, оставив все, пошли вослед Спасителю, как упоминаемые в Деяниях верующие,

продавая все свое, приносили и полагали к ногам апостольским для раздаяния нуждающимся, какое имели они упование и какие воздаяния уготованы им на Небесах. С такими мыслями входит он в храм; в чтенном тогда Евангелии слышит он слова Господа к богатому: *аще хоцещи совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим, и гряди в след Мене, и имети имаши сокровище на небеси* (см. Мф. 19: 21). Антоний, приняв это за напоминание свыше, так, как бы для него собственно было это чтение, выходит немедленно из храма и, что имел во владении от предков (было же у него триста арурь* весьма хорошей, плодородной земли), дарит жителям своей веси, чтобы ни в чем не беспокоили ни его, ни сестру; а все прочее движимое имущество продает и, собрав довольно

* Арура – египетская мера земли во сто локтей.

денег, раздает их нищим, оставив несколько для сестры.

3. Но как скоро, вошедши опять в храм, услышал, что Господь говорит в Евангелии: *не пецываете бо на утрей* (Мф. 6: 34), ни на минуту не остается в храме, идет вон и остальное отдает людям недостаточным; сестру, поручив известным ему и верным девственницам, отдает на воспитание в их обитель, а сам перед домом своим начинает наконец упражняться в подвижничестве, внимая себе и пребывая в терпении.

В Египте немногочисленны еще были монастыри, и инок вовсе не знал великой пустыни; всякий же из намеревавшихся внимать себе подвизался, уединившись недалеко от своего селения. Поэтому в одном ближнем селении был тогда старец, с молодых лет проводивший уединенную жизнь. Антоний, увидев его, поревновал ему

в добром деле, и прежде всего начал уединяться в местах, лежавших перед селением. И если слышал там о каком рачителе добродетели, шел, отыскивал его, как мудрая пчела, и не прежде возвращался в место свое, как увидевшись с ним. Когда же получал от него как бы напутствие какое для шествования стезею добродетели, уходил назад.

Так, проводя там первоначально жизнь, Антоний наблюдал за своими помыслами, чтобы не возвращались к воспоминанию о родительском имуществе и о сродниках. Все желание устремлял, все тщание прилагал к трудам подвижническим. Работал собственными своими руками, слыша, что *празднѣй ниже да яст* (2 Сол. 3: 10), и иное издерживал на хлеб себе, иное же на нуждающихся. Молился он часто, зная, что должно наедине молиться непрестанно (см. 1 Сол. 5: 17); и столько был внимателен к читаемому, что ни одно слово Писания не

падало у него на землю, но все удерживал он в себе; почему наконец память заменила ему книги.

4. Так вел себя Антоний и был любим всеми. Ревнителям же добродетели, к которым ходил он, искренно подчинялся и в каждом изучал, чем особенно преимуществовал он в тщательности и в подвиге: в одном наблюдал его приветливость, в другом неустойчивость в молитвах; в ином замечал его безгневие, в другом человеколюбие; в одном обращал внимание на его неусыпность, в другом на его любовь к учению; кому удивлялся за его терпение, а кому за посты и возлежания на голой земле; не оставлял без наблюдения и кротости одного и великодушия другого; во всех же обращал внимание на благочестивую веру во Христа и на любовь друг к другу. Так, с обильным приобретением возвращался в место собственного своего подвижничест-

ва, сам в себе сочетавая воедино, что заимствовал у каждого, и стараясь в себе одном явить преимущества всех. А с равными ему по возрасту не входил в состязание, разве только чтобы не быть вторым после них в совершенстве. И делал это так, что никого не оскорблял, но и те, с кем состязался, радовались о нем. Поэтому все жители селения и все добротолубцы, с которыми был он знаком, видя такую жизнь его, называли его боголюбивым и любили его: одни – как сына, другие – как брата.

5. Но ненавистник добра, завистливый диавол, видя такое расположение в юном Антонии, не потерпел этого, но, как привык действовать, так намеревается поступить с ним. Сперва покушается он отвлечь Антония от подвижнической жизни, приводя ему на мысль то воспоминания об имуществе, то заботливость, то родственные связи,

то сребролюбие, услаждение разными явствами и другие удобства жизни, и наконец жестокий путь добродетели и ее многотрудность; представляет ему мысленно и немощь тела, и продолжительность времени, и вообще возбуждает в уме его сильную бурю помыслов, желая отвратить его от правого произволения. Когда же враг увидел немощь свою против Антониева намерения, паче же увидел, что сам поборается твердостью Антония, низлагается великою его верою, повергается в прах непрестанными молитвами; тогда, в твердой надежде на те свои оружия, *яже не путь чрева* (Иов. 40: 11), и хвалясь ими (таковы бывают первые его козни против юных), наступает он и на юного Антония, смущая его ночью и столько тревожа днем, что взаимная борьба их сделалась приметною и для посторонних. Один влагал нечистые помыслы, другой отражал

их своими молитвами; один приводил в раздражение члены, другой, по-видимому, как бы стыдясь сего, ограждал тело верою, молитвою и постами. Не ослабевал окаянный диавол, ночью принимал на себя женский образ, во всем подражал женщине, только бы обольстить Антония; Антоний же, помышляя о Христе и высоко ценя дарованное Им благородство и разумность души, угашал уголь его обольщения. Враг снова представлял ему приятность удовольствий; а он, уподобляясь гневающемуся и оскорбленному, приводил себе на мысль огненное прещенье и мучительного червя и, противопоставляя это искушению, оставался невредимым. Все же это служило к посрамлению врага. Возмечтавший быть подобным Богу осмеян был теперь юношею. Величающийся пред плотию и кровию низложен был человеком, носящим на себе плоть; по-

тому что содействовал ему Господь, ради нас понесший на Себе плоть и даровавший телу победу над диаволом, почему каждый истинный подвижник говорит: *не аз же, но благодать Божия, яже со мною* (1 Кор. 15: 10).

6. Наконец, поелику змий этот не возмог низложить этим Антония, а напротив того, увидел, что сам изгнан из сердца его; то, по написанному, *скрежеща зубы своими* (Пс. 36: 12) и как бы вне себя, каков он умом, таким является и по виду, именно же в образе черного отрока. И поелику низложен был этот коварный, то, как бы изъясняя покорность, не нападает уже помыслами, но говорит человеческим голосом: «Многих обольстил я и еще большее число низложил, но, в числе многих напав теперь на тебя и на труды твои, изнемог». Потом, когда Антоний спросил: «Кто же ты, обращающийся ко мне с такою

речью?» – не таясь нимало, отвечал он жалобным голосом: «Я – друг блуда; обязан уловлять юных в блуд, производить в них блудные разжжения, и называюсь духом блуда. Многих, желавших жить целомудренно, обольстил я; великое число воздержных довел до падения своими разжжениями. За меня и пророк укоряет падших, говоря: *духом блужения прельстишася* (Ос. 4: 12); потому что я был виновником их преткновения. Многократно смущал я и тебя, но всякий раз был низложен тобою». Антоний же, возблагодарив Господа, небоязненно сказал врагу: «Поэтому и достоин ты великого презрения. Ибо черен ты умом и безсилен, как отрок. У меня нет уже и заботы о тебе. *Господь мне помощник, и аз взррю на враги моя* (Пс. 117: 7). Черный отрок, услышав это, немедленно с ужасом бежал от слов сих, боясь уже и приближаться к Антонию.

7. Такова была первая борьба Антония с диаволом; лучше же сказать, и это в Антонии было действием силы Спасителя, осудившего грех во плоти, *да оправдание закона исполнится в нас, не по плоти ходящих, но по духу* (Рим. 8: 4).

Но и Антоний не пришел в нерадение и небрежение о себе потому, что демон уже побежден. И враг не перестал расставлять ему сети, как побежденный, но снова ходил как лев, ища удобного случая напасть на подвижника. Антоний же, зная из Писания, что много козней у врага (см. Еф. 6: 11), неослабно упражнялся в подвигах, рассуждая, что если враг и не мог обольстить сердце его плотским удовольствием, то, без сомнения, покусится уловить иным способом, потому что демон грехолюбив. Посему-то Антоний паче и паче умерщвлял и порабощал тело, чтобы, победив в одном, не уступить над собою

победы в другом. Поэтому приемлет он намерение приобучить себя к более суровому житию; и многие приходили в удивление, видя труд его, а он переносил его легко. Душевная его ревность своею долговременностью производила в нем добрый навык, и потому, к чему хотя малый повод подавали ему другие, в том оказывал он великую тщательность. Сколько неутомим был во бдении, что часто целую ночь проводил без сна и, повторяя это не раз, но многократно, возбуждал тем удивление. Пищу вкушал однажды в день по захождении солнца, иногда принимал ее и через два дня, а нередко и через четыре. Пищею же служили ему хлеб и соль, и питием одна вода. О мясах и вине не нужно и говорить, потому что и у других рачительных подвижников едва ли встретишь что-либо подобное. Во время сна Антоний довольствовался рогожею, а большею

частью возлегал на голой земле. Никак не соглашался умащать себя елеем, говоря, что юным всего приличнее быть ревностными к подвигу и не искать того, что расслабляет тело, но приучать его к трудам, содержа в мыслях апостольское изречение: *егда немощствую, тогда силен есмь* (2 Кор. 12: 10). Душевные силы, говаривал он, тогда бывают крепки, когда ослабевают телесные удовольствия.

Чудна подлинно и эта его мысль. Не временем, как полагал он, измерять должно путь добродетели и подвижническую ради нее жизнь, но желанием и произволением. По крайней мере, сам он не памятовал о прошедшем времени, но с каждым днем, как бы только полагая начало подвижничеству, прилагал вящий труд о преспеянии, непрестанно повторяя сам себе Павлово изречение: *задняя забывая в предняя же простирайся* (Фил. 3: 13), и

также припоминая слова Пророка Илии, который говорит: *жив Господь, Емуже предстою пред Ним днесь* (3 Цар. 18: 15). Ибо, по замечанию Антония, Пророк, говоря *днесь*, не прошедшее измеряет время, но, как бы непрестанно полагая еще только начало, старается каждый день представить себя таким, каков должен быть являющийся пред Богом, то есть чистым сердцем и готовым повиноваться не другому кому, но Божией воле. И Антоний говорил сам в себе, что в житии Илии, как в зеркале, подвижник должен всегда изучать собственную свою жизнь.

8. Так изнуряя себя, Антоний удалился в гробницы, бывшие далеко* от селения, и сделал поручение одному знакомому, чтобы, по прошествии многих дней, приносил ему хлеб; сам же, войдя в одну из гробниц и заключив за

* В переводе Евгария (IV в.) читается «недалеко».

собою дверь, остался в ней один. Тогда враг, не стерпя сего, даже боясь, что Антоний в короткое время наполнит пустыню подвижничеством, приходит к нему в одну ночь со множеством демонов и наносит ему столько ударов, что от боли остается он безгласно лежащим на земле; и, как сам Антоний уверял, весьма жестоки были его страдания, и удары, нанесенные людьми, не могли бы, по словам его, причинить такой боли. Но по Божию Промыслу (ибо Господь не оставляет без призрения уповающих на Него) на следующий день приходит тот знакомый, который приносил ему хлеб. Отворив дверь и видя, что Антоний лежит на земле как мертвый, берет и переносит его в храм, бывший в селении, и полагает там на земле. Многие из сродников и из жителей селения окружили Антония, как мертвеца. Около же полуночи приходит в себя Антоний

и, пробудившись, видит, что все спят, бодрствует же один его знакомый. Подозвав его к себе знаками, Антоний просит, чтобы, никого не разбудив, взял и перенес его опять в гробницу.

9. Так, Антоний отнесен им и, когда, по обычаю, дверь была заперта, остается снова один в гробнице. От нанесенных ему ударов не в силах он еще стоять на ногах и молится лежа; по молитве же громко взывает: «Здесь я, Антоний, не бегаю от ваших ударов. Если нанесете мне и еще большее число, ничто не отлучит меня от любви Христовой». Потом начинает петь: *аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое* (Пс. 26: 3).

Так думал и говорил подвижник: Ненавидящий же добро враг, дивясь, что Антоний осмелился прийти и после нанесенных ему ударов, сзывает псов своих и, разрываясь с досады,

говорит: «Смотрите, ни духом блуда, ни ударами не усмирили мы его; напротив того, отваживается он противиться нам. Нападем же на него иным образом». А диавол не затрудняется в способах изъяснить свою злобу. Так и теперь ночью демоны производят такой гром, что, по-видимому, все то место пришло в колебание, и, как бы разорив четыре стены Антониева жилища, вторгаются, преобразившись в зверей и пресмыкающихся. Все место мгновенно наполнилось призраками львов, медведей, леопардов, волков, змей, аспидов, скорпионов, волков. Каждый из этих призраков действует соответственно наружному своему виду. Лев, готовясь напасть, рыкает; вол хочет, по-видимому, бодать; змея не перестает извиваться; волк напрягает силы броситься. И все эти привидения производят страшный шум, обнаруживают лютую ярость.

Антоний, поражаемый и уязвляемый ими, чувствует ужасную телесную боль, но тем паче, бодрствуя душою, лежит без трепета и, хотя стонет от телесной боли, однако же, трезвясь умом и как бы посмеваясь, говорит: «Ежели есть у вас сколько-нибудь силы, то достаточно было прийти и одному из вас. Но поелику Господь отнял у вас силу, то пытаетесь устрашить множеством. Но и то служит призраком вашей немощи, что обращаетесь в безсловесных». И еще с дерзновением присовокупляет: «Если можете и имеете надмною власть, то не медлите и нападайте. А если не можете, то для чего мятесь напрасно? Нам печатью и стеною ограждения служит вера в Господа нашего». Так демоны, после многих покушений, скрежетали только зубами на Антония; потому что более себя самих, нежели его, подвергали посмеянию.

10. Господь же не забыл при сем Антониева подвига и пришел на помощь к подвижнику. Возведя взор, видит Антоний, что кровля над ними как бы раскрылась и нисходит к нему луч света. Демоны внезапно стали невидимы; телесная боль мгновенно прекратилась; жилище его оказалось ни в чем не поврежденным. И ощутив эту помощь, воздохнув свободнее, чувствуя облегчение от страданий, обращается он с молитвою к явившемуся видению и говорит: «Где был Ты? Почему не явился вначале – прекратить мои мучения?» И был к нему голос: «Здесь пребывал Я, Антоний, но ждал, желая видеть твое ратоборство; и поелику устоял ты и не был побежден, то всегда буду твоим Помощником и сделаю именитым тебя всюду». Услышав это, Антоний восстает и начинает молиться, и столько укрепляется, что чувствует в теле своем более сил, нежели сколько имел

их прежде. Было же ему тогда около тридцати пяти лет.

11. В следующий день, вышедши из гробницы и исполнившись еще больше ревности к богочестию, приходит он к упомянутому выше древнему старцу и просит его жить с ним в пустыне. Поелику же старец отказался, и по летам и по непривычке к пустынной жизни, то Антоний немедля уходит один в гору. Но враг, видя опять его ревностное намерение и желая воспрепятствовать этому, в мечтании представляет ему лежащее на пути большое серебряное блюдо. Антоний, уразумев хитрость ненавистника добра, останавливается и, смотря на блюдо, обличает кроющегося в призраке диавола, говоря: «Откуда быть блюду в пустыне? Не большая это дорога; нет даже и следов проходившего здесь. Если бы блюдо упало, не могло бы оно утаиться, потому что велико;

потерявший воротился бы и, поискав, непременно нашел бы его, ибо место здесь пустынное. Дьявольская это хитрость. Но не воспрепятствуешь этим твердому моему намерению, диавол: блюдо сие с тобою будет в погибель (Деян. 8: 20)». И когда Антоний сказал это, оно исчезло, как воск от лица огня (Пс. 67: 3).

12. Потом идет он далее и видит уже не призраков, но действительное золото, разбросанное на дороге. Врагом ли было оно положено или иною высшею силою, которая и подвижнику давала случай испытать себя, и диаволу показывала, что он вовсе не заботится об имуществе, — этого не сказывал и Антоний, и мы не знаем; известно же одно то, что видимое им было золото. Антоний, хотя дивится его множеству, однако же, перескочив, как через огонь, проходит мимо, не обращается назад и

до того ускоряет свое шествие, что место это потерялось и скрылось из виду. Так, более и более утверждаясь в исполнении своего намерения, стремился он на гору и, по другую сторону реки нашедши пустое огражденное место, от давнего запустения наполнившееся пресмыкающимися, переселяется туда и начинает там обитать. Пресмыкающиеся, как будто гонимые кем, тотчас удаляются. Антоний же, заградив вход и запаса на шесть месяцев хлебов (так запасают фивяне, и хлеб у них нередко в продолжение целого года сохраняется невредимым), воду же имея внутри ограды, как бы укрывшись в какое недоступное место, пребывает там один, и сам не выходя, и не видя никого из приходящих. Так подвизаясь, провел он долгое время, два раза только в год принимая хлебы чрез ограду.

13. Приходящие к нему знакомые, поелику не позволял им входить внутрь

ограды, нередко дни и ночи проводили вне ее; и слышат они, что в ограде как бы целые толпы мятутся, стучат, жалобно вопят и взывают: «Удались из наших мест; что тебе в этой пустыне? Не перенесешь наших козней». Стоящие вне подумали сначала, что с Антонием препираются какие-то люди, вошедшие к нему по лестницам; когда же, приникнув в одну скважину, не увидели никого, тогда, заключив, что это демоны, объятые страхом, сами начинают звать Антония. И он скорее услышал слова последних, нежели позаботился о демонских воплях. Подойдя к двери, умоляет пришедших удалиться и не бояться. «Демоны, – говорит он, – производят мечтания для устрашения боязливых. Посему запечатлейте себя крестным знаменем и идите назад смело, демонам же предоставьте делать из себя посмешище». И пришедшие, оградившись знаменем креста,

удаляются; а Антоний остается и не терпит ни малого вреда от демонов, даже не утомляется в подвиге; потому что учащение бывших ему горних видений и немощь врагов доставляют ему великое облегчение в трудах и возбуждают усердие к большим трудам. Знакомые часто заходили к нему, думая найти его уже мертвым, но заставляли поющим: *да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его вси ненавидящии Его. Яко исчезает дым, да исчезнут: яко тает воск от лица огня, тако да погибнут грешницы отъ лица Божия (Пс. 67: 2–3);* и еще: *вси языцы обыдоша мя, и именем Господним противляхся им (Пс. 117: 10).*

14. Около двадцати лет провел так Антоний, подвизаясь в уединении, никуда не выходя и во все это время никем невидимый. После же того, поелику многие домогались и желали

подражать его подвижнической жизни, некоторые же из знакомых пришли и силою разломали и оторвали дверь, исходит Антоний, как таинник и богоносец из некоего святилища, и приходящим к нему в первый раз показывается из своей ограды. И они, увидев Антония, исполняются удивления, что тело его сохранило прежний вид, не утучнело от недостатка движения, не иссохло от постов и борьбы с демонами. Антоний был таков же, каким знали его до отшельничества. В душе его та же была опять чистота нрава: ни скорбью не был он подавлен, ни пришел в восхищение от удовольствия, не предался ни смеху, ни грусти, не смутился, увидев толпу людей, не обрадовался, когда все стали его приветствовать, но пребыл равнодушным, потому что управлял им разум и ничто не могло вывести его из обыкновенного естественного состояния. Господь

исцелил чрез него многих, бывших тут, страждущих телесными болезнями, иных освободил от бесов, даровал Антонию и благодать слова: утешил он многих скорбящих, примирил бывших в ссоре, внушая всем ничего в мире не предпочитать любви ко Христу, и увещевая содержать в памяти будущие блага и человеколюбие к нам Бога, *Иже убо Своего Сына не пощаде, но за нас всех предал есть Его* (Рим. 8: 32), убедил многих избрать иноческую жизнь; и таким образом в горах явились наконец монастыри; пустыня населена иноками, оставившими свою собственность и вписавшимися в число жительствовающих на Небесах.

15. Когда настала нужда переходить водопроводный ров в Арсеное, и именно для посещения братии, а ров полон был крокодилов, Антоний совершает только молитву, потом сам и все бывшие с ним входят в ров и переходят его

невредимо. Возвратившись же в монастырь, упражняется он в прежних строгих трудах с юношескою бодростью и часто беседуя, в монашествующих уже увеличивает ревность, в других же, и весьма многих, возбуждает любовь к подвижничеству. И вскоре, по силе удивительного слова его, возникают многочисленные монастыри, и во всех них Антоний, как отец, делается руководителем.

16. В один день он выходит; собираются к нему все монахи и желают слышать от него слово; Антоний же на египетском языке говорит им следующее.

«К научению достаточно и Писаний; однако же нам прилично утешать друг друга верою и умащать словом. Поэтому и вы, как дети, говорите отцу, что знаете; и я, как старший вас возрастом, сообщу вам, что знаю и что изведал опытом».

Паче всего да будет у всех общее попечение о том, чтобы, начав, не ослабевать в деле, в трудах не унывать, не говорить: давно мы подвигаемся. Лучше, как начинающие только, будем с каждым днем приумножать свое усердие; потому что целая жизнь человеческая весьма коротка в сравнении с будущими веками; почему и все время жизни нашей пред жизнью вечною ничто. И хотя каждая вещь в мире продается за должную цену и человек обменивает равное на равное, но обетование вечной жизни покупается за малую цену. Ибо написано: *дни лет наших в нихже седьдесят лет, аще же в силах, осмьдесят лет, и множае ихъ труд и болезнь* (Пс. 89: 10). Посему, если и все восемьдесят, даже и сто лет пребудем в подвиге, то царствовать будем не равное ста годам время, но, вместо ста лет, воцаримся на веки веков; и, подвизавшись на земле, при-

мом наследие не на земле, но, по обещаниям, имеем его на Небесах; притом же, сложив с себя тленное тело, воспримем тело нетленное».

17. «Поэтому, дети, не будем унывать, что давно подвигаемся или что сделали мы что-либо великое. *Недостойны бо страсти нынешняго времени к хощущей славе явится въ нас* (Рим. 8: 18); и, взирая на мир, не будем думать, что отреклись мы от чего-либо великого. Ибо и вся земля эта очень мала пред целым небом. Поэтому, если бы мы были господами над всею землею и отреклись от всей земли, то и это не было еще равноценно Небесному Царству. Как пренебрегающий одной драхмой меди, чтобы приобрести сто драхм золота, так и тот, кто господин всей земли и отрекается от нее, оставляет малость и приемлет стократно большее. Если же вся земля не равноценна

небесам, то оставляющий небольшие поля как бы ничего не оставляет. Если оставит он и дом или довольно количество золота, то не должен хвалиться или унывать».

«Притом должны мы рассудить, что если и не оставим сего ради добродетели, то оставим впоследствии, когда умрем, и оставим, как часто бывает, кому не хотели бы, как напоминал об этом Екклесиаст (см. 4, 8). Итак, почему же не оставить нам этого ради добродетели, чтобы наследовать за то Царство?»

«Поэтому никто из нас да не питает в себе пожелания приобрести. Ибо какая выгода приобрести то, чего не возьмем с собою? Не лучше ли приобрести нам то, что можем взять и с собою, как-то: благоразумие, справедливость, целомудрие, мужество, рассудительность, любовь, нищелюбие, веру во Христа, безгневие, страннолюбие? Эти приобретения уготовят нам при-

станции в земле кротких прежде, нежели придем туда».

18. «Таковыми-то мыслями да убеждает себя каждый не лениться, наипаче же если рассудить, что он Господень раб и обязан работать Владыке. Как раб не осмелится сказать: поелику работал я вчера, то не работаю сегодня; и, вычисляя протекшее время, не перестанет он трудиться в последующие дни, напротив же того – каждый день, по написанному в Евангелии, оказывает одинаковое усердие, чтобы угодить господину своему и не быть в беде; так и мы каждый день станем пребывать в подвиге, зная, что, если один день вознерадим, Господь не простит нас за прошедшее время, но прогневается на нас за нерадение. Это мы слышим и у Иезекииля (см. 18: 24–26). Так и Иуда за единую ночь погубил труд протекшего времени».

19. «Поэтому, дети, пребудем в подвиге и не предадимся унынию. Ибо в этом нам споспешник Господь, как написано: всякому, избравшему благое, Бог поспешествует во благое» (см. Рим. 8: 28).

«А для того, чтобы не лениться, хорошо содержать в мысли апостольское изречение: *по вся дни умираю* (1 Кор. 15: 31). Ибо если будем жить, как ежедневно готовящиеся умереть, то не согрешим. Сказанное же апостолом имеет тот смысл, что мы каждый день, пробуждаясь от сна, должны думать, что не доживем до вечера, и также, засыпая, должны представлять, что не пробудимся от сна; потому что мера жизни нашей нам неизвестна и каждый день измеряется Промыслом. А при таком образе мыслей, так живя каждый день, не будем мы ни грешить, ни питать в себе какого-либо пожелания, ни гневаться на кого-нибудь, ни

собирать себе сокровища на земле; но, как ежедневно ожидающие смерти, будем нестяжательны и всякому станем все прощать. Никак не дадим овладеть нами плотскому вожделению или другому нечистому удовольствию; будем же отвращаться сего, как преходящего, пребывая в непрестанном страхе и имея всегда пред очами день Суда. Ибо сильный страх и опасение мучений уничтожает приятность удовольствия и восстанавливает клонящуюся к падению душу».

20. «Вступив на путь добродетели и начав шествие, тем паче напряжем силы – простираться вперед; и никто да не обращается вспять, подобно жене Лотовой, особенно же внимая сказанному Господом: *никтоже возложь руку свою на рало и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии* (Лк. 9: 62). Обратиться вспять не иное что значит, как сожалеть и думать снова о мирском».

«Не приходите в страх, слыша о добродетели, не смущайтесь при ее имени. Она недалеко от нас, не вне нас образуется; дело ее в нас, и оно легко, если пожелаем только. Эллины, чтобы обучиться словесным наукам, предпринимают дальние путешествия, переплывают моря; а нам нет нужды ходить далеко ради Царствия Небесного или переплывать море ради добродетели. Господь еще прежде сказал: *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17: 21). Поэтому добродетель имеет потребность в нашей только воле; потому что добродетель в нас и из нас образуется. Она образуется в душе, у которой разумные силы действуют согласно с ее естеством. А сего достигает душа, когда пребывает, какою сотворена; сотворена же она доброю и совершенно правою. Посему и Иисус Навин, заповедуя народу, сказал: *исправите сердца ваша к Господу Богу Израилеву*

(Нав. 24: 23); и Иоанн говорит: *правы творите стези ваши* (Мф. 3: 3). Ибо душе быть правою значит – разумной ее силе быть в таком согласии с естеством, в каком она создана. Когда уклоняется душа и делается несообразною с естеством, тогда называется это пороком души. Итак, это дело нетрудно. Если пребываем, какими созданы, то мы добродетельны. Если же рассуждаем худо, то осуждаемся, как порочные. Если бы добродетель была чем-либо приобретаемым отвне, то, без сомнения, трудно было бы стать добродетельным. Если же она в нас, то будем охранять себя от нечистых помыслов и соблюдем Господу душу, как принятый от Него залог, чтобы признал Он в ней творение Свое, когда душа точно такова, какую сотворил ее Бог».

21. «Будем же домогаться, чтобы не властвовала над нами раздражитель-

ность и не преобладала над нами похоть; ибо написано: *гнев мужа правды Божия не соделоваает. Похоть же зачещи раждает грех, грех же содеян рождает смерть*» (Иак. 1: 20, 15).

«А при таком образе жизни будем постоянно трезвиться и, как написано, хранением блюсти сердце (Притч. 4: 23). Ибо имеем у себя страшных и коварных врагов, лукавых демонов; с ними у нас брань, как сказал апостол: *несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Еф. 6: 12). Великое их множество в окружающем нас воздухе, и они недалеко от нас. Великая же есть между ними разность, и о свойствах их и о разностях продолжительно может быть слово; но такое рассуждение пусть будет предоставлено другим, которые выше нас; теперь же настoит

крайняя нам нужда узнать только козни их против нас».

22. «Итак, во-первых, знаем, что демоны называются так не потому, что такими сотворены. Бог не творил ничего злого. Напротив того, и они созданы были добрыми; но, ниспав с высоты небесного разумения и вращаясь уже около земли, как язычников обольщали мечтаниями, так и нам, христианам, завидуя, все приводят в движение, желая воспрепятствовать нашему восхождению на Небеса, чтобы нам не взойти туда, откуда ниспали они».

«Посему потребны нам усиленная молитва и подвиги, чтобы, прияв от Духа дарование *рассуждения духовом* (1 Кор. 12: 10), можно было человеку узнать о демонах, которые из них менее худы и которые хуже других, какой цели старается достигнуть каждый из них и как можно низложить и изгнать

каждого. Ибо много у них ухищрений и злокозненных устремлений. Блаженному апостолу и последователям его известны были козни сии, и они говорят: *не неразумеваем умышлений его* (2 Кор. 2: 11). А мы, сколько опытом изведали о сих кознях, столько обязаны предохранять от них друг друга. Приобретя отчасти опытное о них ведение, сообщая это вам, как детям».

23. «Итак, демоны всякому христианину, наипаче же монаху, как скоро увидят, что он трудолюбив и преуспевает, прежде всего предпринимают и покушаются положить на пути соблазны. Соблазны же их суть лукавые помыслы. Но мы не должны устрашаться таковых внушений. Молитвою, постами и верою в Господа враги немедленно низлагаются. Впрочем, и по низложении они не успокаиваются, но вскоре снова наступают, ко-

варно и с хитростью. И когда не могут обольстить сердце явным и нечистым сластолюбием, тогда снова нападают иным образом и стараются уже утратить мечтательными привидениями, претворяясь в разные виды и принимая на себя подобие женщин, зверей, пресмыкающихся, великанов, множества воинов. Но и в таком случае не должно приходить в боязнь от этих привидений; потому что они суть ничто и скоро исчезают, особливо если кто оградил себя верою и крестным знаменем. Впрочем, демоны дерзки и крайне безстыдны. Если и в этом бывают они побеждены, то нападают иным еще способом: принимают на себя вид прорицателей, предсказывают, что будет чрез несколько времени; представляются или высокорослыми, достающими головою до кровли, или имеющими чрезмерную толстоту, чтобы тех, кого не могли обольстить

помыслами, уловить такими призраками. Если же и в этом случае найдут, что душа ограждена сердечною верою и упованием, то приводят уже с собою князя своего».

24. И Антоний сказывал, что «нередко видел он демонов такими, какими Господь изобразил диавола в откровении Иову, говоря: *очи его видение денницы. Из уст его исходят аки свечи горящия, и размещутся аки искры огнениши; из ноздрей его исходит дым печи горящия огнем угляя; душа его яко углие, и яко пламы из уст его исходит* (Иов. 41: 9–11). Таким являясь, демонский князь устрашает, по сказанному выше, коварным своим велеречием, как еще обличил его Господь, сказав Иову: *вменяет железо аки плевы, медь же аки древо гнило; мнит же море яко мироварницу, и тартар бездны якоже пленника; вменил бездну в прохожде-ние* (Иов. 41: 18, 22–23); и еще говоря

чрез пророка: рече враг: гнав постигну (Исх. 15: 9); и также чрез другого пророка: вселенную всю обыму рукою моею яко гнездо, и яко оставленная яйца возму» (Ис. 10: 14).

«Так вообще стараются величаться демоны и дают подобные обещания, чтобы обольстит богочестивых. Но мы верные, и в этом также случае не должны страшиться производимых врагом привидений и обращать внимание на слова его; потому что диавол лжет и вовсе не говорит ничего истинного. И действительно, его-то, изрекающего столько подобных дерзостей, Спаситель, как змия, извлекъ удицею, ему-то, как вьючному животному, обложил узду о ноздрях его, ему-то, как беглецу, вдел кольцо въ ноздри его, и шиломъ повертель устне его, и яко в рабья связал его Господь, чтобы мы наругались над ним (см. Иов. 40: 20, 21, 24). Диавол и все с ним демоны низло-

жены пред нами, чтобы, как на змей и на скорпионов, наступать на них нам, христианам (см. Лк. 10: 19). Доказательством же сему служит то, что живем мы ныне по правилам, противным ему. И вот дающий обещание истребить море и объять вселенную не в силах ныне воспрепятствовать вашим подвигам, и даже остановить меня, который говорит против него. Поэтому не будем обращать внимания, что ни говорил бы он, потому что лжет он. Не убоимся его привидений, потому что и они лживы. Видимый в них свет не есть свет действительный; вернее же сказать, что демоны носят в себе начаток и образ уготованного им огня. В чем будут они гореть, тем и покушаются устрашать людей. Внезапно являются, но немедленно также и исчезают, не причиняя вреда никому из верующих, нося же с собою подобие того огня, который примет их в себя. Посему и в этом отноше-

нии не должно их бояться: потому что все их предназначения, по благодати Христовой, обращаются в ничто».

25. «Они коварны и готовы во все превращаться, принимать на себя всякие виды. Нередко, будучи сами невидимы, представляются они поющими псалмы, припоминают изречения из Писаний. Иногда, если занимаемся чтением, и они немедленно, подобно эху, повторяют то же, что мы читаем; а если спим, пробуждают нас на молитву и делают это так часто, что не дают почти нам и уснуть. Иногда, приняв на себя монашеский образ, представляются благоговейными собственниками, чтобы обмануть подобием образа и обольщенных ими вовлечь уже во что хотят. Но не надобно слушать их, пробуждают ли они на молитву, или советуют вовсе не принимать пищи, или представляются осуждающими

и укоряющими нас за то самое, в чем прежде были с нами согласны. Ибо не из благоговения и не ради истины делают это, но чтобы неопытных ввергнуть в отчаяние. Подвижничество представляют они бесполезным, возбуждают в людях отвращение от монашеской жизни, как самой тяжелой и обременительной, и препятствуют вести этот, противный им, образ жизни».

26. «И посланный Господом пророк возвестил окаянство таких, сказав: *горе напаяющему подруга своего развращением мутным* (Авв. 2; 15). Такие предначинания и помышления совращают с пути, ведущего к добродетели».

«И Сам Господь даже говорившим правду демонам (ибо справедливо они говорили: Ты еси Сын Божий – см. Лк. 4: 41) повелевал молчать и воспрещал говорить, чтобы, вместе с истиною, не посеяли они собственной злобы сво-

ей, а также чтобы приобучились и мы никогда не слушать их, хотя бы, по-видимому, говорили они и истину. Нам, имеющим у себя Святые Писания и свободу, дарованную Спасителем, неприлично учиться у дьявола, который не соблюл своего чина и изменился в мыслях своих. Посему-то Господь запрещает ему произносить изречения Писания: *грешнику же рече Бог: вскую ты поведаети оправдания Моя и восприемлещи завет Мой усты твоими* (Пс. 49: 16)?

«Демоны все делают, говорят, шумят, притворяются, производят мятежи и смятения к оболыщению неопытных, стучат, безумно смеются, свистят; а если кто не обращает на них внимания, плачут и проливают уже слезы, как побежденные».

27. «Господь, как Бог, налагал молчание на демонов; так нам, научившись

у святых, прилично поступать подобно им и подражать их мужеству. А они, смотря на сие, говорили: *внегда востати грешному предомною, онемехи смирихся, и умолчах от благ* (Пс. 38: 2–3); и еще; азъ же яко глух не слышах, и яко нем не отверзаяй уст своих; и быхъ яко человекъ не слышай (Пс. 37: 14–15). Так и мы не будем слушать демонов, как чуждых нам; не станем повиноваться им, хотя бы пробуждали нас на молитву, хотя бы говорили о посте; будем же более внимательны к предпринятому нами подвижничеству, чтобы не обольстили нас демоны, делающие все с хитростью. Но не должно нам и бояться демонов, хотя, по-видимому, нападают на нас, даже угрожают нам смертью; потому что они бессильны и не могут ничего более сделать, как только угрожать».

28. «Почему, хотя коснулся уже я сего мимоходом, однако же теперь не по-

ленюсь сказать о том же пространнее. Такое напоминание послужит к вашей безопасности. По пришествии Господа враг пал и силы его изнемогли. Посему, хотя ничего не может он сделать, однако же, как мучитель, по падении своем не остается в покое, но угрожает, хотя только словом».

«Пусть же каждый из вас рассудит и сие и тогда в состоянии будет презирать демонов. Если бы демоны обложены были такими же телами, какими обложены мы, то могли бы они сказать: людей укрывающихся мы не находим, а найденным причиняем вред. Тогда и мы могли бы укрыться и утаиться от них, заперев двери. Но они не таковы; могут входить и в запертые двери; и все демоны, а первый из них диавол, носят-ся по всему воздуху; притом они зложелательны, готовы вредить, и, как сказал Спаситель, отец злобы диавол есть человекоубийца искони (см. Ин. 8: 44).

Между тем мы живы еще, и даже ведем образ жизни, противный диаволу. Итак, явно, что демоны не имеют никакой силы. И место не препятствует им делать зло; и в нас видят они не друзей своих, которых стали бы щадить, и сами не такие любители добра, которые могли бы исправиться; но, напротив того, они лукавы, о том единственно заботятся, чтобы любителям добродетели и богочестивым делать вред; однако же, поелику ничего не в силах сделать, то и не делают вреда, а только угрожают. Но если бы они были в силах, то не стали бы медлить, но тотчас сделали бы зло, имея готовое на то произволение, особливо же сделали бы зло нам. Но вот, сошедшись, теперь говорим мы против них, и знают они, что, по мере нашего преуспеяния, сами изнемогают; поэтому, если бы у них была власть, то не оставили бы в живых никого из христиан; потому что

мерзость грешнику богочестие (Сир. 1: 25). Поелику же ничего не в состоянии они сделать, то они паче уязвляют тем, что не могут исполнить угроз своих».

«Притом, чтобы не бояться нам демонов, надобно рассудить и следующее. Если бы было у них могущество, то не приходили бы толпою, не производили бы мечтаний и не принимали бы на себя различных образов, когда строят козни; но достаточно было бы прийти только одному и делать, что может и хочет, тем более что всякий имеющий власть не привидениями поражает, не множеством устрашает, но немедленно пользуется своею властью, как хочет. Демоны же, не имея никакой силы, как бы забавляются на зрелище, меняя личины и стращая детей множеством привидений и призраков. Посему-то наипаче и должно их презирать, как бессильных. Истинному Ангелу, посланному Господом на ассириан,

не было нужды во множестве, в наружном призраке, в громе и треске; напротив того, в тишине оказал он власть свою и мгновенно истребил сто восемьдесят пять тысяч. Не имеющие же никакой силы демоны, каковы с нами препирающиеся, покушаются устрашить хотя бы мечтаниями».

29. «Если кто приведет себе на мысль бывшее с Иовом и скажет: почему же диавол пришел и сделал с ним все, и имущества лишил его, и детей его умертвил, и самого поразил гноем лютым (см. Иов. 1: 15–22; 2: 1–7)? – то да знает таковой, что не от силы диавола это зависело, но от того, что Бог предал ему Иова на искушение. Диавол же, конечно, не в силах был ничего сделать, потому просил и, получив дозволение, сделал. А поэтому тем паче достоин презрения враг, который, хотя и желал, однако же не в си-

лах был ничего сделать даже одному праведнику. Ибо если бы имел на это силу, то не стал бы просить. Поелику же просил, и просил не однажды, но двукратно, то оказывается немощным и вовсе безсильным. И неудивительно, что не в силах был что-либо сделать с Иовом, когда не мог погубить и скота его, если бы не попустил ему Бог. Даже над свиньями не имеет власти диавол. Ибо, как написано в Евангелии, демоны просили Господа, говоря: повели нам идти в свиней (см. Мф. 8: 31). Если же не имеют власти над свиньями, тем паче не имеют над человеком, созданным по образу Божию».

30. «Посему должно бояться только Бога, а демонов презирать и нимало не страшиться их. Даже чем больше страхов производят они, тем сильнее будем подвизаться против них. Ибо сильное на них орудие – правая

жизнь и вера в Бога. Боятся они подвижнического поста, бдения, молитв, кротости, безмолвия, несребролюбия, нетщеславия, смиренномудрия, нищелюбия, милостынь, безгневия, преимущественно же благочестивой веры во Христа. Посему-то и употребляют все меры, чтобы не было кому попить их. Знают они, какую благодать против них дал верующим Спаситель, Который сказал: *се даю вам власть наступати на змию и на скорпию, и на всю силу вражию* (Лк. 10: 19)».

31. «Поэтому, если выдают они себя за предсказателей, никто да не прилепляется к ним. Нередко сказывают они за несколько дней, что придут братья, и те действительно приходят. Делают же это демоны не по заботливости о внимающих им, но чтобы возбудить в них веру к себе и потом, подчинив уже их себе, погубить. Посему

не должно слушать демонов, а надобно возражать на слова их, что не имеем в них нужды. Ибо что удивительного, если кто, имея тело, тончайшее тела человеческого, и увидев вступивших в путь, предваряет их в шествии и извещает о них? То же предсказывает и сидящий на коне, предварив идущего пешком. Посему и в этом не надобно удивляться демонам. Они не имеют предведения о том, чего еще нет. Единый Бог есть *ведый вся прежде бытия их* (Дан. 13: 42). Демоны же, как тати, забежав наперед, что видят, о том и извещают. И теперь о том, что делается у нас, как сошлись мы и беседуем о них, дадут они знать многим, прежде нежели кто-либо из нас уйдет отсюда и расскажет о том. Но то же может сделать и какой-нибудь резво бегающий отрок, предварив ходящего медленно. И я именно сказываю. Если намеревается кто идти из Фиваиды или

из другой какой страны, то прежде, нежели вступил он в путь, демоны не знают, пройдет ли; но как скоро видят идущего, забегают вперед и прежде, нежели он пришел, извещают о нем; и таким образом идущие чрез несколько дней действительно приходят. Нередко же случается отправившимся в путь возвратиться назад, и тогда демоны оказываются лжецами».

32. «Так, иногда велеречиво объявляют они о воде в реке Ниле, увидев, что много было дождей в странах эфиопских, и зная, что от них бывает наводнение в реке; прежде нежели вода придет в Египет, прибегают туда и предсказывают. Но то же сказали бы и люди, если бы могли так скоро переходить с места на место, как демоны. И как страж Давидов, взошедши на высоту, прежде, нежели бывший внизу, увидел текущего и шедший вперед,

прежде нежели другие, сказал не о чем-либо еще не совершившемся, но о том, что уже было и о чем известие уже приближалось (см. 2 Цар. 18: 24-29), так и демоны принимают на себя труд и дают знать другим, чтобы только обольстить их. Если же Промыслу угодно будет в это время с водами или с путешествующими сделать что-либо иное (потому что и это возможно), то демоны окажутся лжецами и послушавшие их будут обмануты».

33. «Так произошли языческие прорицалица; так издавна люди вводимы были в заблуждение демонами. Но обольщение это наконец прекратилось. Ибо пришел Господь и привел в бездействие демонов и коварство их. Они ничего не знают сами собою, но, как тати, что видят у других, то и разглашают, и более угадывают, нежели знают по предведению. Посему, если

предсказывают и правду, никто да не дивится им в этом. Ибо и врачи, опытом дознавшие свойства болезней, как скоро видят тут же болезнь в других, нередко, угадывая по навыку, предсказывают. Так же кормчие и земледельцы, смотря на состояние воздуха, по навыку предсказывают или непогоду, или благорастворение воздуха. И никто не скажет поэтому, что предсказывают они по Божию внушению, а не по опыту и навыку. Посему, если и демоны иногда, угадывая, предсказывают также, то никто да не дивится им в этом и не слушает их».

«И какая польза слушающим демонов заранее узнать от них будущее? Или какая важность в таком предвидении, хотя бы узнали мы и правду? Это не составляет добродетели и, без сомнения, не служит доказательством добрых нравов. Никто из нас не осуждается за то, что не знал, и никто не

ублажается за то, что приобрел сведение и узнал; но каждый подлежит суду в том, соблюдал ли веру, искренно ли сохранил заповеди».

34. «Посему должно невысоко ценить такое предведение, подвизаться и трудиться не для того, чтобы предугадать, но чтобы доброю жизнью угодить Богу. Надобно и молиться не о том, чтобы иметь предведение, и не этой награды просить за подвиги, но просить Господа, чтобы он споспешествовал нам в победе над диаволом».

«Если же когда важно для нас иметь предведение, то чистым будем хранить ум. Ибо уверен я, что душа, во всем чистая и верная своей природе, соделавшись прозорливою, может видеть больше и дальше, нежели демоны; потому что от Господа дается ей откровение. Такова была душа Елиссея, видевшая, что сделано было Гиезием

(см. 4 Цар. 5: 26), и узревшая охраняющие ее силы (см. 4 Цар. 6: 16–17)».

35. «Посему, когда демоны приходят к вам ночью, хотят возвестить будущее или говорят: “Мы – Ангелы”, не внимайте им, потому что лгут. Если будут они хвалить ваше подвижничество и ублажать вас, не слушайте их и нимало не сближайтесь с ними, лучше же себя и дом свой запечатлейте крестом и помолитесь. Тогда увидите, что они сделаются невидимыми, потому что боязливый и особенно страшатся знамения Креста Господня. Ибо, Крестом отъяв у них силу, посрамил их Спаситель».

«Если же будут упорствовать, издеваясь и принимая на себя разные виды, – не приходите в боязнь, не ужасайтесь, не внимайте им, как духам добрым. Ибо, при Божьей помощи, возможно и нетрудно распознавать присутствие ангелов добрых и злых».

«Видение святых бывает невозмутительно. Не будут они ни спорить, ни вопиять, *ниже услышит кто гласа их* (Ис. 42: 2). Являются они безмолвно и кротко; почему в душе немедленно рождаются радость, веселье и дерзновение; потому что со святыми Господь, Который есть наша радость и Сила Бога Отца. Душевные помыслы пребывают невозмутимыми и неволненными, и душа, озаряемая видением, созерцает явившихся. В ней возникает желание божественных и будущих благ, и, конечно, возжелает она быть в соединении со святыми и отойти с ними. Если же иные, как люди, приводятся в страх видением добрых Ангелов, то явившиеся в то же мгновение уничтожают этот страх своею любовью, как поступили Гавриил с Захариєю (см. Лк. 1: 13) и Ангел, явившийся женам во гробе Господнем (см. Мф. 28: 5), и еще Ангел, упоминаемый в Евангелии и сказавший

пастырям: *не бойтесь* (Лк. 2: 10). Ощущается же страх не от душевной боязни, но от сознания присутствия высших сил. Таково видение святых».

36. «А нашествие и видение духов злых бывает возмутительно, с шумом, гласами и воплями, подобно буйному движению худо воспитанных молодых людей или разбойников. От сего в душе немедленно происходят боязнь, смятение, беспорядок помыслов, грусть, ненависть к подвижникам, уныние, печаль, воспоминание о сродниках, страх смертный и наконец – худое пожелание, нерадение о добродетели, нравственное расстройство».

«Поэтому, если, увидев явившегося, приходите в страх, но страх ваш немедленно уничтожен и вместо него происходят в вас неизглаголанная радость, благодушие дерзновение, воодушевление, невозмутимость помыс-

лов и все прочее, сказанное выше, мужество, любовь к Богу – то не теряйте упования и молитесь. Ибо радость и благоустроенность души показывает святость явившего. Так, Авраам, увидев Господа, *возрадовася* (Ин. 8: 56) и Иоанн от гласа Богородицы Марии *взыграся радощами* (Лк. 1: 44). А если чье явление сопровождают смятение, внешний шум и мирская пышность, угроза смертью и все, сказанное выше, то знайте, что это нашествие злых ангелов».

37. «Да служит вам и то еще признаком: когда душа продолжает ощущать боязнь, явившийся есть враг; потому что демоны не уничтожают боязни, как в Марии и Захарии – великий Архангел Гавриил и в женах – явившийся во гробе Ангел. Напротив того, демоны, когда видят людей в боязни, тем паче умножают призраки, чтобы

привести их в больший ужас, и наступая, уже ругаются, говоря: падше поклонитесь (см. Мф. 4: 9). Так обольщали они язычников, и те лжеименно признавали их богами».

«Но нас не оставил Господь быть в обольщении от диавола, когда, запрещая ему производить такие призраки, сказал: иди за мною, сатано. Писано бо есть: *Господу Богу твоему поклонишися и Тому Единому послужиши* (Мф. 4: 10). Посему паче и паче да будет за сие презираем нами этот коварный. Что сказал ему Господь, то сказал ради нас, чтобы демоны, слыша и от нас подобное сему, обращались в бегство ради Господа, воспретившего им это».

38. «Но не должно хвалиться силою изгонять бесов и превозноситься даром исцелений; не должно дивиться тому только, кто изгоняет бесов, и уничтожать того, кто не изгоняет. Пусть

каждый поучается подвижничеству другого; пусть или подражает и соревнует ему, или исправляет его. Творить знамения не от нас зависит, но есть дело Спасителя. Он сказал ученикам: *не радуйтесь, яко дуси вам повинуются, радуйтесь же, яко имена ваша написана суть на небесех* (Лк. 10: 20). То, что имена написаны на небе, свидетельствует о нашей добродетели и жизни; а изгонять бесов есть благодать даровавшего Спасителя. Посему хвалившимся не добродетелью, но знамениями, и говорившим: *Господи, не Твоим ли именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом?* – отвечивал Господь: *аминь глаголю вам, не вем вас* (Мф. 7: 22–23; Лк. 13: 27). Ибо Господь не ведает путей нечестивых».

«Сверх же всего, как сказал я и выше, должно молиться о том, чтобы приять дарование различения духов, чтобы,

по написанному, не всякому духу верить (1 Ин. 4: 1)».

39. «Намеревался было я смолчать и ничего не говорить от себя, удовольствовавшись одним сказанным; но, чтобы не подумали вы, будто бы говорю это просто, а напротив того – уверились, что сказываю вам изведенную по опыту и сущую правду, хотя поступаю как несмысленный, однако же, велику внемлющий сему Господь знает чистоту моей совести, знает, что делаю это не ради себя, но ради вашей любви и для вашего вразумления, то скажу еще, что дознал я о демонских начинаниях. Много раз ублажали меня демоны, а я заклинал их именем Господним. Много раз предсказывали они мне о разливе реки, а я спрашивал их: вам какое до сего дело? Иногда приходили с угрозами и окружали меня, как вооруженные воины. В иное время на-

полняли дом конями, зверями и пресмыкающимися; а я воспевал: *сии на колесницах, и сии на конех: мы же во имя Господа Бога нашего возвеличимся* (Пс. 19: 8), и по молитвам Господь обращал их в бегство. Иногда приходили во тьме, имея призрак света, и говорили: мы пришли озарить тебя, Антоний; но я, смежив глаза, молился, и тотчас угасал свет нечестивых. Чрез несколько месяцев пришли – и будто воспевали псалмы и произносили места из Писаний; *аз же яко глух не слышах* (Пс. 37: 14). Иногда приводили в колебание монастырь; но я молился, пребывая неподвижен мыслью. После сего еще пришли и стали рукоплескать, свистеть, плясать; но я молился и лежа пел сам в себе псалмы. Вскоре начали они плакать и рыдать, как изнемогшие; а я прославлял Господа, сокрушившего и посрамившего их дерзость и безумие».

40. «Однажды явился с многочисленным сопровождением демон, весьма высокий ростом, и осмелился сказать: “Я – божья сила; я – промысл; чего хочешь, все дарую тебе”. Тогда дунул я на него, произнеся имя Христово, занес руку ударить его и, как показалось, ударил, – и при имени Христовом тотчас исчез великан этот со всеми его демонами. Однажды, когда я постился, пришел этот коварный в виде монаха, имея у себя призрак хлеба, и давал мне такой совет: “Ешь и отдохни после многих трудов; и ты – человек, можешь занемочь”. Но я, уразумев козни его, восстал на молитву, и демон не стерпел сего, скрылся и, исшедши в дверь, исчез, как дым. Много раз в пустыне мечтательно показывал мне враг золото, чтобы только прикоснулся я к нему и взглянул на него; но я отражал врага пением псалмов, и он исчезал. Часто демоны наносили мне удары, но

я говорил: ничто не отлучит меня от любви Христовой. И после сего начинали они наносить сильнейшие удары друг другу. Впрочем, не я удерживал и приводил их в бездействие, но Господь, Который сказал: *видех сатану, яко молнию с небесе спадша* (Лк. 10: 18). А я, дети, помня изречение апостольское, *преобразих то на себе* (1 Кор. 4: 6), да научитесь не унывать в подвижничестве и не страшиться привидений диавола и демонов его».

41. «Поелику же стал я столько немыслен, что рассказываю о сем, то, для собственной вашей безопасности и небоязненности, примите от меня и следующее и поверьте мне, потому что не лгу. Однажды кто-то в монастыре постучал ко мне в дверь. И вышедши, увидел я какого-то явившегося огромного великана. Потом, когда спросил я: “Кто ты?” – он отвечал: “Я – сатана”. После

сего на вопрос мой: “Для чего же ты здесь?” – сказал он: “Почему напрасно порицают меня монахи и все прочие христиане? Почему ежечасно проклинают меня?” И на слова мои: “А ты для чего смущаешь их?” – ответил: “Не я смущаю их; они сами себя возмущают; а я стал немощен. Разве не читали они: *врагу оскудеша оружия въ конец, и грады разрушил еси* (Пс. 9: 7)? Нет уже мне и места, не имею ни стрел, ни города. Везде христиане: и пустыня наконец наполняется монахами. Пусть же соблюдают сами себя и не проклинают меня напрасно”. Тогда, подивившись благодати Господней, сказал я ему: “Всегда ты лжешь и никогда не говоришь правды; однако же теперь и против воли сказал ты это справедливо. Ибо Христос, пришедши, сделал тебя немощным и, низложив, лишил тебя всего”. Услышав имя Спасителя и не терпя палящей силы его, диавол стал невидим».

42. «Итак, если сам диавол сознается в своей бессилии, то, конечно, должны мы презирать и его, и демонов его. У врага и у псов его много хитростей; но мы, узнав немощь их, можем презирать их. А таким образом не будем упадать духом, питать в душе боязни, не станем сами для себя выдумывать побуждений к страху, говоря: не пришел бы демон и не поколебал бы меня; не восхитил бы он меня и не низринул бы; или: не напал бы внезапно и не привел бы в смятение. – Всего не будем давать в себе места таким мыслями и скорбеть, как погибающие. Паче же будем благодушествовать и радоваться всегда, как спасаемые; будем содержать в мысли, что с нами Господь, Который низложил и привел в бездействие демонов. Будем представлять и помышлять всегда, что, поелику с нами Господь, то ничего не сделают нам враги».

«Они какими нас находят, приходят к нам, такими и сами делаются в отношении к нам; и какие мысли в нас находят, такие и привидения представляют нам. Поэтому, если найдут нас боязливými и смущенными, то немедленно нападают, как разбойники, нашедшие не охраняемое место, и что сами в себе думаем, то и производят в большем виде. Если видят нас страшливыми и боязливými, то еще больше увеличивают боязнь привидениями и угрозами, и наконец бедная душа мучится тем. Но если найдут нас радующимися о Господе и помышляющими о будущих благах, содержащими в мыслях дела Господни и рассуждающими, что все в руке Господней, что демон не в силах побороть христианина и вообще ни над кем не имеет власти, — то, видя душу, подкрепляемую такими мыслями, демоны со стыдом обращаются вспять. Так враг, видя Иова

огражденным, удалился от него; но сделал пленником своим Иуду, нашедши, что он лишен такой защиты».

«Посему, если хотим презирать врага, то будем всегда помышлять о делах Господних. Душа постоянно да радуется в уповании; и увидим, что демонские игралища то же, что дым, что демоны скорее сами побегут, нежели нас будут преследовать; потому что они, по сказанному прежде, крайне боязливы, ожидая уготованного им огня».

43. «А для небоязненности своей пред демонами делайте такое испытание. Когда бывает какое-либо привидение, не впадай в боязнь, но, каково бы ни было это привидение, прежде всего смело спроси: кто ты и откуда? И если это будет явление святых, то они удостоверят тебя и страх твой претворят в радость. А если это диавольское привидение, оно тотчас утратит силу, как

скоро мысль твоя тверда. Ибо признак невозмущаемого духа при всяком случае спрашивает: кто ты и откуда? – Так спросил сын Навин, и узнал, кто был Явившийся (см. Нав. 5: 13). Так враг не утаил от вопросившего Даниила (см. Дан. 10: 11-21)».

44. Когда беседовал так Антоний, все тому радовались; в одних возрастала любовь к добродетели, в других искоренялось нерадение, в иных прекращалось сомнение; все же, дивясь данной от Господа Антонию благодати к различению духов, убеждались в том, что должно презирать демонские наветы.

Монастыри в горах подобны были скиниям, наполненным божественными ликами псалмопевцев, любителей учения, постников, молитвенников, которых радовало упование будущих благ и которые занимались рукодели-

ями для подаения милостыни, имели между собою взаимную любовь и согласие. Подлинно представлялась там как бы особая некая область благочестия и правды. Не было там ни притеснителя, ни притесненного; не было укоризн от сборщика податей; подвижников было много, но у всех одна мысль – подвизаться в добродетели. А потому, кто видел эти монастыри и такое благочиние иноков, тот должен был снова воскликнуть и сказать: *коль добри дома твои, Иакове, и кущи твоя, Израилю! Яко дубравы осеняющыя, и яко садие при реках, и яко кущи, яже водрузи Господь, и яко кедри при водах* (Числ. 24: 5–6).

45. А сам Антоний, по обычаю уединяясь особо в монастыре своем, усиливал подвиги и ежедневно вздыхал, помышляя о небесных обителях, возделывая их и обращая взор на кратковременность человеческой жизни.

Когда хотел вкушать пищу, ложился спать, приступал к исполнению других телесных потребностей – чувствовал он стыд, представляя себе разумность души. Нередко, со многими другими иноками приступая ко внушению пищи и вспомнив о пище духовной, отказывался от вкушения и уходил от них далеко, почитая для себя за стыд, если увидят другие, что он ест. По необходимому же требованию тела вкушал пищу, но особо, а нередко и вместе с братиею, сколько стыдясь их, столько уповая предложить им слово на пользу.

Он говаривал: «Все попечение прилагать надобно более о душе, а не о теле, и телу уступать по необходимости малое время, все же остальное посвящать наипаче душе и искать ее пользы, чтобы не увлекалась она телесными удовольствиями, но паче ей поработалось тело. Это-то и значит сказанное Спасителем: *не пецѣтесе душею вашею,*

что ясте... ни телом вашим, во что облечетесь (Мф. 6: 25). И вы не ищите, что ясте, или что пиете: и не возноситеся. Всех бо сих языцы мира ищут: ваш же Отец вестъ, яко требуете сих. Обаче ищите прежде всего Царствия Его, и сия вся приложатся вам» (Лк. 12: 29–31).

46. По сем постигло Церковь бывшее в то время Максиминово гонение. И когда святые мученики ведены были в Александрию, последовал за ними и Антоний, оставив свой монастырь и говоря: «Пойдем и мы, чтобы или подвизаться, если будем призваны, или видеть подвизающихся». Было у него желание приять мученичество; но, не хотя предать сам себя, прислуживал он исповедникам в рудокопнях и в темницах. Много было у него попечения – позванных в судилище подвижников поощрять к ревности, и принимать

участие в тех, которые вступили в мученический подвиг, и сопровождать их до самой кончины. Судия, видя безстрашие Антония и бывших с ним и их попечительность, приказал, чтобы никто из иноков не показывался в судилище и чтобы вовсе не оставались они в городе. Все прочие в этот день почли за лучшее скрываться. Антоний же столько озаботился, что даже вымыл верхнюю свою одежду и на следующий день, став впереди всех на высоком месте, явился пред игемоном в чистой одежде. Когда все дивились сему, даже видел его и игемон и со своими воинами проходил мимо его, — стоял он безтрепетный, показывая тем христианскую нашу ревность. И сам он, казалось, печалился о том, что не сподобился мученичества; но Господь хранил его на пользу нам и другим, чтобы соделаться ему учителем многих в подвижнической жизни, какой

научился он из Писаний. Ибо многие, взирая только на образ его жизни, потщились стать ревнителями его жития. Итак, снова стал он, по обычаю, прислуживать исповедникам и, как бы связанный вместе с ними, трудился в служении им.

47. А когда гонение уже прекратилось и приял мученичество блаженной памяти епископ Петр, тогда Антоний оставил Александрию и уединился снова в монастыре своем, где ежедневно был мучеником в совести своей и подвизался в подвигах веры. Труды его многочисленны и велики: непрестанно постился он; одежду нижнюю – волосяную и верхнюю – кожаную соблюдал до самой кончины; не смывал водою нечистот с тела; никогда не обмывал себе ног, даже и просто не погружал их в воду, кроме крайней необходимости. Никто не видел

его раздетым; никто не мог видеть обнаженного Антониева тела до того времени, как Антоний скончался и стали предавать его погребению.

48. Когда пребывал он в уединении и решил проводить время, и сам не выходя, и к себе никого не принимая, тогда пришел и обезпокоил его один военачальник, Мартиниан. У него была дочь, мучимая бесом. Долгое время продолжал он стучать в дверь и просить Антония, чтобы вышел и помолился Богу о дочери его. Антоний не соглашался отворить дочери и, выглянув сверху, сказал: «Что вопиешь ко мне? И я такой же человек, как и ты. Если веруешь во Христа, Которому служу я, то поди и, как веруешь, помолись Богу, и прошение твое будет исполнено». Мартиниан немедленно уверовал и, призвав имя Христово, удалился с дочерью, освобожденною уже от демо-

на. Много и других знамений сотворил чрез Антония Господь, Который сказал: *просите, и дастся вам* (Лк. 11: 9). Ибо многие, страждущие от демонов, поелику Антоний не отворял двери своей, посидев только вне монастыря, по вере и по искренней молитве получали исцеление.

49. Когда же Антоний увидел, что многие беспокоют его и не дают пребывать ему в избранном им уединении, как бы желалось, тогда, опасаясь, чтобы или самому не превознестись тем, что творит чрез него Господь, или чтобы другой кто не подумал о нем выше того, что он есть, заблагорассудил и решился уйти в Верхнюю Фиваиду, где не знали его. И, взяв у братии хлебов, сел он на берегу реки, смотря, не пойдет ли какой корабль, чтобы, взойдя на него, удалиться. Когда же дожидался он корабля, был к нему свыше голос: «Куда

и зачем идешь, Антоний?» Он не смутился, но, как привык уже часто слышать такие воззвания, выслушав это, сказал в ответ: «Поелику народ не дает пребывать мне в покое, то хочу идти в Верхнюю Фиваиду, по причине многих мне здесь беспокойств, и особенно потому, что требуют у меня того, что выше сил моих». Голос сказал ему: «Если уйдешь в Фиваиду и даже, как намереваешься, к пасущим стада волов, то еще большие и сугубые труды понесешь. Если же действительно хочешь пребывать на покое, то иди теперь во внутреннюю пустыню». На вопрос же Антония – «Кто укажет мне путь, потому что неизвестен мне он?» – голос немедленно указал ему сарацин, которым надлежало идти этим путем. Антоний, подойдя к ним, стал просить позволения идти с ними в пустыню. Сарацины, как бы по велению Промысла, охотно приняли его. Три дня и три

ночи проведя с ними в пути, он приходит на одну весьма высокую гору. Изпод горы текла прозрачная, сладкая и довольно холодная вода; вокруг была равнина и несколько диких пальм.

50. Антоний, как бы по внушению свыше, возлюбил это место; оно было то самое, какое указывал ему голос, вещавший на берегу реки. Итак, взяв хлеба у спутников, стал он пребывать на горе сперва один, не имея при себе никого другого, и место это признавал уже как бы собственным своим домом. Сарацины же, увидев ревность его, с намерением стали проходить путем сим и с радостью приносили ему хлеба; иногда и от пальм имел он малое некое и скудное утешение. Впоследствии же и братья, узнав его местопребывание, как дети, помня отца, заботились присылать ему потребное.

Но Антоний, видя, что, под предлогом доставлять ему туда хлеб, иные

утомляются и несут труды, щадя и в этом монахов, придумывает сам с собою средство и некоторых из пришедших к нему упрашивает принести ему заступ, топор и несколько пшеницы. Когда же было это принесено, обошедши гору, находит одно весьма обширное удобное место, возделывает его; и, поелику достаточно было воды для орошения поля, засекает его. Делая же это ежегодно, получает себе отсюда хлеб, радуясь, что никого не будет сам беспокоить и соблюдет себя от необходимости чем-либо быть кому в тягость. Но после сего, видя опять, что некоторые приходят к нему, разводит он у себя несколько овощей, чтобы и приходящий к нему имел хотя малое утешение после трудов такого тяжкого пути. Вначале звери, обитавшие в пустыне, приходя пить воду, наносили нередко вред его посеву и земледелию. Он, с ласкою поймав одного зве-

ря, сказал чрез него всем: «Для чего делаете вред мне, который не делает никакого вреда вам? Идите прочь и во имя Господа не приближайтесь сюда более». С сего времени звери, как бы боясь запрещения, не приближались к тому месту.

51. Так, Антоний пребывал один на внутренней горе, проводя время в молитвах и в подвигах. Служившие ему братья просили его, чтобы позволил им приходить через месяц и приносить маслин, овощей и елея, потому что он был уже стар.

Сколько же, живя там, выдержал он браней, по написанному (см. Еф. 6: 12), не с плотью и кровью, но с сопротивными демонами, о том знаем от приходивших к нему. Ибо и там слышали шум, многие голоса и звук как бы оружий, а ночью видели, что гора наполнена зверями; замечали, что и сам Антоний

как бы с какими-то видимыми ему врагами борется и отражает их молитвою. И Антоний приходивших к нему ободрял, а сам подвизался, преклоняя колена и молясь Господу. И подлинно достойно было удивления, что один, живя в такой пустыне, не боялся нападающих на него демонов и, при таком множестве там четвероногих зверей и пресмыкающихся, не страшился их свирепости, но поистине, как написано, надеялся на Господа, был *яко гора Сиона* (Пс. 124: 1), имел непоколебимый и неволненный ум, так что демоны бегали от него и *зверие дивии*, по написанному, примиралися ему (Иов. 5: 23).

52. Хотя диавол наблюдал за Антонием и, как воспеваает Давид, скрежетал на него *зубы своими* (Пс. 34: 16), но Антоний, утешаемый Спасителем, пребывал невредимым от коварства и многообразных козней диавола.

Так, в одну ночь, когда Антоний проводил время во бдении, враг посылает на него зверей. Все почти гиены, бывшие в этой пустыне, вышедши из нор, окружают его; Антоний стоял посреди них, и каждая зияла на него и угрожала ему угрызением. Уразумев в этом хитрость врага, он сказал гиенам: «Если имеете власть надо мною, то я готов быть пожранными вами. А если посланы вы демонами, то не медлите и удалитесь, потому что я – раб Христов». Едва Антоний сказал это, гиены бежали, как бы гонимые бичом слова.

53. Потом чрез несколько дней, когда занимался он работой (ибо любил быть в труде), кто-то, став у двери, потянул к себе, что плел тогда Антоний; делал же он корзины и отдавал их приходящим за приносимое ему. Антоний встал и видит зверя, который до чресл походит на человека, а голени и ноги

у него подобны ослиным. Антоний запечатлел только себя знаменем креста и сказал: «Я – раб Христов; если послан ты на меня, то вот я перед тобой». Зверь с бывшими в нем демонами побежал так быстро, что от скорости пал и издох. Смерть этого зверя означала падение демонов, которые прилагали все старание, чтобы удалить Антония из пустыни, и не смогли.

54. Однажды, по просьбе монахов прийти к ним и на время посетить их и место их жительства, отправился он в путь вместе с пришедшими к нему монахами. Верблюды нес для них хлеба и воду; потому что пустыня эта безводна, и воды, годной к питию, вовсе нет в ней нигде, кроме той одной горы, на которой был монастырь Антониев, где и запаслись они водою. Когда же на пути вода у них истощилась, а зной был весьма сильный, тогда все были

в опасности лишиться жизни. Обойдя окрестности и не найдя воды, не в силах уже были продолжать путь, легли на землю и, отчаявшись в жизни своей, пустили верблюда идти куда хочет. Старец, видя, что все бедствуют, весьма опечалившись и воздохнув, отходит от них недалеко и, преклонив колена и воздев руки, начинает молиться; и Господь вскоре соделал, что потекла вода на том месте, где он стоял на молитве; и таким образом утолили все жажду и оживились, наполнили мехи водою, стали искать верблюда и нашли его. Случилось же так, что веревка обвилась около одного камня и удержала верблюда. Итак, привели его назад и, напоив, возложили на него мехи и продолжали путь безбедно. Когда же Антоний дошел до первых на пути монастырей, все приветствовали его, смотрели на него как на отца, а он, как бы принесся напутствие

с горы, угощал их словом и преподавал им, что было на пользу. Снова на горах были радость, соревнование о преспелении и утешение взаимное друг друга верою. Радовался и сам Антоний, увидев ревность иноков и сестру, состарившуюся в девстве и уже настоятельницу других девственниц.

55. Чрез несколько дней опять ушел он на свою гору. И тогда стали уже приходить к нему многие; осмеливались даже приходить иные и страждущие. Всякому приходящему к нему иноку давал он постоянно такую заповедь: «Веруй в Господа и люби Его, храни себя от нечистых помыслов и плотских удовольствий и, как написано в Притчах, *не прельщайся насыщением чрева* (Притч. 24: 15). Бегай тщеславия, молись непрестанно, пой псалмы перед сном и после сна, тверди заповеди, данные тебе в Писании, содержи в памяти

деяния святых, чтобы памятующая заповеди душа твоя имела ревность святых образцом для себя». Особливо же советовал Антоний непрестанно размышлять об апостольском изречении: *солнце да не зайдет во гневе вашем* (Еф. 4: 26) и думать, что сказано это вообще относительно ко всякой заповеди, чтобы не заходило солнце не только в гневе, но и в другом грехе нашем. Ибо хорошо и необходимо, чтобы не осуждали нас ни солнце за дневной проступок, ни луна за ночной грех и даже за худое помышление. А чтобы соблюсти себя от этого, хорошо – выслушать и сохранять апостольское слово. Ибо сказано: *себя истязуйте, себе искушайте* (2 Кор. 13: 5). Поэтому пусть каждый ежедневно дает себе отчет в дневных и ночных своих поступках. И если согрешил, да перестанет грешить; но да пребывает в добре, и не предаётся нерадению, и ближнего не

осуждает, и себя не почитает праведным, дондеже, как сказал блаженный апостол Павел, *приидет Господь* (1 Кор. 4: 5), испытующий тайное. Нередко и от нас самих бывает сокрыто, что делаем мы. Но, хотя не выдаем этого мы, однако же Господь видит все. Посему, суд предоставив Господу, будем сострадательны друг к другу, станем носить тяготы друг друга (см. Гал. 6: 2) и истязывать самих себя, и, в чем мы недостаточны, постараемся то восполнять. А к ограждению себя от греха будем соблюдать еще последующее. Пусть каждый из нас замечает и записывает свои поступки и душевные движения, как бы с намерением сообщать это друг другу; и будьте уверены, что, стыдясь известности, непременно перестанем грешить и даже содержать в мыслях что-либо худое. Ибо кто, когда грешит, желает, чтобы это видели? Или кто, согрешив, не пожелает лучше солгать, только бы утаить

грех? Как, наблюдая друг за другом, не станем творить блуда; так, если будем записывать свои помыслы, с намерением сообщать их друг другу, то легче соблюдем себя от нечистых помыслов, стыдясь известности. Итак, записывание да заменит для нас очи наших сподвижников, чтобы, когда записываем, чувствуя такой же стыд, какой чувствуем, когда смотрят на нас, и в мысли даже не держали мы чего-либо худого. Если так будем образовывать себя, то придем в состояние поработать тело свое, угождать Господу и попирать козни врага».

56. Такие наставления давал Антоний проходящим; к страждущим же был сострадателен и молился вместе с ними. И Господь часто внимал молитвам его о многих. Но когда и услышан был Господом, не хвалился; и когда не был услышан, не роптал. Но как сам всегда благодарил Господа, так и

страждущим внушал быть терпеливыми и знать, что исцеление не от него и вовсе не от людей, но от одного только Бога, Который подает его когда хочет и кому хочет. Посему и страждущие принимали наставления старца как врачевство, учась не малодушествовать, а паче быть терпеливыми; а исцеляемые научились воздавать благодарение не Антонию, но единому Богу.

57. Некто, по имени Фронтон, из царедворцев, страдая жестокою болезнью, кусал себе язык и готов был лишиться себя зрения. Пришедши в гору, просил он Антония помолиться о нем. Антоний, помолившись, сказал Фронтому: «Иди и исцелеешь». А когда больной упорствовал и оставался в монастыре несколько дней, Антоний стоял в своем слове, говоря: «Не можешь ты исцелиться, пока здесь; иди и, достигнув Египта, увидишь совершившееся

на тебе знамение». Фронтон поверил, ушел и, как только увидел Египет, болезнь его миновала и стал он здоров, по слову Антония, как, во время молитвы, открыл ему Спаситель.

58. Одна девица из Трипольского Бусириса имела страшную и крайне гнусную болезнь. Слезы ее, мокроты и влага, текшая из ушей, как скоро падали на землю, тотчас превращались в червей; тело же ее было расслаблено и глаза находились не в естественном состоянии. Родители ее, узнав, что монахи идут к Антонию, по вере в Господа, исцелившего кровоточивую, просили их идти в путь вместе с их дочерью. Поелику же монахи отказались, то родители с отроковицею остались вне горы у исповедника и монаха Пафнутия. Монахи пришли к Антонию, и, едва хотели известить его о девице, как он предупредил их и рассказал,

какая болезнь у отроковицы и как шла она с ними; когда начали они просить, чтобы позволил и родителям с девицей войти, Антоний сего не дозволил, но сказал: «Идите, и, если девица не умерла, найдете ее исцеленною. Не мое это дело, и не для чего приходить ей ко мне, бедному человеку; исцеление подается от Спасителя, Который на всяком месте творит милость Свою призывающим Его. Господь приклонился на молитву ее, а человеколюбие Его открыло и мне, что исцелит Он болезнь находящейся там отроковицы». Так совершилось чудо; монахи пошли и родителей нашли радующимися, а отроковицу – уже здоровою.

59. Шли два брата, и, когда на пути недостало у них воды, один умер, а другой близок был к смерти и, не имея сил идти, лежал уже на земле и ждал, что умрет. Антоний, пребывавший в горе, призывает двоих бывших тогда при

нем монахов и понуждает их спешить, говоря: «Возьмите сосуды с водою и идите скорее на египетскую дорогу. Из двоих путников один уже умер, другой скоро умрет, если не поспешите. Это открыто мне ныне во время молитвы». Монахи идут, находят лежащего мертвеца, предают его погребению, а другого возвращают к жизни водою и приводят к старцу; расстояние же было одного дня пути. Если кто спросит, почему Антоний не сказал прежде, нежели другой скончался, то вопрос будет неправ. Определение смерти было от не Антония, но от Бога, Который одному определил умереть, а о другом дал откровение. В Антонии же чудно было только то, что, пребывая в горе, имел трезвенное сердце; и Господь показал ему, что происходило вдалеке.

60. Еще однажды, пребывая в горе и возведя взор, видит Антоний, что

возносится некто по воздуху, к великой радости встречающих его. Потом, дивясь и ублажая таковой сонм, начинает он молиться, чтобы открыто ему было, что это значит. И вдруг приходит к нему глас: «Это душа Амуна, нитрийского инока». Амун же до старости пребыл подвижником. А расстояние от Нитрии до горы, где жил Антоний, было тринадцать дней пути. Поэтому бывшие с Антонием, видя дивящегося старца, пожелали знать причину и услышали, что недавно скончался Амун; а он был известен им, потому что часто бывал там, и притом много совершено было им знамений, из которых одно таково.

Однажды настояла Амуну нужда переправиться через реку, называемую Ликос; было же тогда полноводье. Амун стал просить бывшего с ним Феодора отойти дальше, чтобы не видеть им друг друга обнаженными, когда будут переплывать реку. Потом, ког-

да Феодор удалился, Амун устыдился также сам себя увидеть обнаженным; но, пока боролся он со стыдом и беспокоился, внезапно перенесен был на другой берег. Феодор, также муж благоговенный, приблизившись и увидев, что Амун предварил его и нимало не омочился в воде, просит сказать, как он переплыл. Когда же увидел, что Амун не хочет сказать этого, обняв ноги его, стал уверять, что не пустит его, пока не узнает. Итак, Амун, видя упорство Феодора и особенно ради слова, сказанного им, сам сначала просит никому не сказывать от этого до смерти его, а потом объявляет, что перенесен был и поставлен на другой берег, вовсе же не ходил по водам; ибо это совершенно невозможно людям, возможно же единому Господу и кому Он дозволит это, как дозволил великому апостолу Петру. Феодор рассказывал это по смерти Амуна.

Монахи, которым Антоний сказал о смерти Амуна, заметили день. И когда, через тридцать дней, пришли братья из Нитрии, спрашивают их и узнают, что Амун почил в тот самый день и час, в который старец видел возносимую душу его. Те и другие много дивились чистоте души Антония и тому, как он совершившееся на расстоянии тринадцатидневного пути узнал в то же самое мгновение и видел возносимую душу.

61. Однажды комит Архелай, нашедши Антония на внешней горе, просит его только помолиться о Поликратии, чудной и христоносной девственнице в Лаодикии. Страдала же она от чрезвычайных подвигов жестокою болью в чреве и боку и вся изнемогла телесно. Антоний помолился; а комит заметил день, в который принесена была молитва, и, возвратясь в Лаодикию, находит девственницу здоровою. Спросив

же, когда и в какой день освободилась она от болезни, вынимает хартию, на которой записал время молитвы, и после ответа исцеленной сам в то же время показывает запись; и все удивились, узнав, что тогда Господь избавил ее от страданий, когда молился о ней и призывал на помощь Спасителюв благость Антоний.

62. Часто и об идущих к нему за несколько дней, даже за месяц, пресказывал Антоний, по какой причине идут они. Ибо одни приходили единственно для того, чтобы видеть его, другие по причине болезни, а иные – потому что страдали от бесов. И трудность путешествия никто не почитал для себя бременем и не жалел о трудах, потому что каждый возвращался, чувствуя пользу. Когда же было Антонию подобное видение и рассказывал он об этом, всегда просил, чтобы никто

не удивлялся ему в этом, дивился бы паче Господу, Который нам, человекам, даровал возможность познавать Его по мере сил наших.

63. Еще однажды, пришедши в монастыри, бывшие на внешней горе, когда упросили его взойти на корабль и помолиться с монахами, он один почувствовал сильное и весьма отвратительное зловоние. Бывшие на корабле говорили, что есть тут рыба и соленое мясо, и оттого запах; но Антоний сказал, что зловоние иного рода. Пока еще говорил он, возопил вдруг юноша, одержимый бесом, который, войдя на корабль прежде других, скрывался на нем. Бес, по сделанному ему запрещению именем Господа нашего Иисуса Христа, вышел, а человек этот стал здоров, и все поняли, что зловоние было от беса.

64. И иной некто из людей знатных пришел к Антонию, имея в себе беса;

бес этот был весьма лют; одержимый им не знал, что приведен к Антонию, и пожирал извержения тела своего. Приведшие просили Антония помолиться о бесноватом. Антоний, из сострадания к юноше, молится и всю ночь проводит с ним во бдении. Пред рассветом юноша, внезапно устремившись на Антония, повергает его на землю, и, когда пришедшие с ним вознегодовали на это, Антоний говорит им: «Не сердитесь на юношу; виноват не он, но живущий в нем бес. Поелику наложено на него запрещение и велено ему идти в места безводные, то пришел он в ярость и поступил так со мною. Поэтому прославьте Господа. Ибо такое устремление на меня юноши было для вас знамением, что бес вышел». Когда говорил еще это Антоний, юноша тотчас стал здоров и, наконец образумившись, узнал, где он, и приветствовал старца, принося благодарение Богу.

65. Весьма многие из монахов согласно и одинаково рассказывали, что совершено Антонием много и иного сему подобного. Но это еще не столько чудно, сколько пред всем иным наиболее чудным кажется следующее. Однажды, пред вкушением пищи около девятого часа встав помолиться, Антоний ощущает в себе, что он восхищен умом, а что всего удивительнее, видит сам себя, будто бы он вне себя и кто-то как бы возводит его по воздуху; в воздухе же стоят какие-то угрюмые и страшные лица, которые хотят преградить ему путь к восхождению. Поелику же путеводители Антониевы сопротивлялись им, то требуют они отчета – не подлежит ли Антоний какой-либо ответственности пред ними, а поэтому хотят вести счет с самого его рождения; но путеводители Антониевы воспрепятствовали тому, говоря: «Что было от рождения его, то изгладил Господь;

ведите счет с того времени, как сделался он иноком и дал обет Богу». Тогда, поелику обвинители не могли уличить его, свободен и невозбранен сделался ему путь. И вдруг видит он, что как бы возвращается, и входит сам в себя, и снова делается прежним Антонием. В это время, забыв о вкушении пищи, остаток дня и целую ночь проводит он в воздыханиях и молитве; ибо удивлялся, видя, со сколь многими врагами предстоит нам брань и с какими трудами должно человеку проходить по воздуху. И тогда пришло ему на память, что в этом именно смысле сказал апостол: *по князю власти воздушныя* (Еф. 2: 2). Ибо враг имеет в воздухе власть вступать в борьбу с проходящими по оному, покушается преграждать им путь. Почему наипаче и советовал апостол: *приимите вся оружия Божия, да возможете противитися въ день лют* (Еф. 6: 13), чтобы посрамился враг,

ничтоже имея глаголати о нас укорно (Тит. 2: 8). А мы, слыша это, приведем себе на память апостола, который говорит: *аще в теле, не вем, аще ли кроме тела, не вем, Бог весть* (2 Кор. 12: 2). Но Павел восхищен был до третьего неба и нисшел оттоле, услышав неизреченные глаголы; а Антоний видел себя проходящим по воздуху и боровшимся там, пока не оказался свободным.

66. Антоний имел еще и это дарование. Во время пребывания своего на горе в уединении, если иногда, предложив сам себе какой-либо вопрос, приходил в недоумение, то, по Божию промыслению, во время молитвы бывало ему о том откровение и блаженный, по написанному, был научаем Богом (см. Ис. 54: 13; Ин. 6: 45). Так, однажды вел он разговор с пришедшими к нему о состоянии души по смерти и о том, где будет ее местопребывание. В следую-

щую ночь зовет его некто свыше, говоря: «Встань, Антоний, выйди и посмотри». Антоний выходит (ибо знал, кому должно повиноваться) и, возведя взор, видит, что стоит кто-то высокий, безобразный, страшный и касается главою облаков, и что восходят еще некие как бы окрыленные, и первый простирает к последним руки и одним преграждает путь, другие же перелетают через него и, миновав его, безбедно уже возносятся вверх; на последних великан этот скрежещет зубами, о тех же, которые падают вниз, радуется. Вдруг Антонию говорит голос: «Уразумей видимое». Тогда отверзся ум его и уразумел он, что это есть прехождение душ, что стоящий великан есть враг, завидующий верным, и он подпадших власти его удерживает и возбраняет им идти далее; но не может задержать не покорившихся ему, потому что они проходят выше его. Увидев это и такое

видение прияв как бы за напоминание себе, Антоний стал прилагать еще вящее старание, чтобы ежедневно преуспевать в прежних подвигах. Объявлял же он о таких видениях неохотно. Но, поелику бывшие с ним, когда видели, что он долее обыкновенного молится и представляется удивленным, спрашивали его и докучали ему своими вопросами, то принужден бывал сказывать им, как отец, который ничего не может скрывать от детей; притом рассуждал он, что совесть его останется чиста, а им рассказ его послужит на пользу, когда узнают, что подвижничество имеет благие плоды и видения нередко бывают утешением в трудах.

67. Антоний был терпеливого нрава и имел смиренномудрое сердце. При всей духовной высоте своей, чрезвычайно уважал церковное правило и всякому церковнослужителю готов

был отдавать пред собою предпочтение. Не стыдился преклонять главу пред епископами и пресвитерами. Если когда приходил к нему какой диакон ради пользы своей, он предлагал ему слово на пользу, но совершение молитв предоставлял диакону, не стыдясь учиться и сам. Нередко предлагал вопросы и желал слушать пребывающих с ним; сознавался, что и сам получает пользу, если кто скажет что-либо полезное. И лицо его имело великую и необычайную приятность. Приял же Антоний от Спасителя и сие дарование: если бывал он окружен множеством монахов и кому-нибудь, не знавшему его прежде, желательно было видеть его, то желающий, миновав других, прямо подходил к Антонию, как бы привлекаемый взором его. От других же отличался Антоний не высотой и взрачностью, но благонравием и чистотою души. Поелику душа была безмятежна, то и

внешние чувства оставались невозмущаемыми; а потому от душевной радости весело было и лицо, и по движениям телесным можно было ощущать и уразумевать спокойствие души, согласно с написанным: *сердцу веселящуся, лице цветет, в печалех же сущу, сетует* (Притч. 15: 13). Так Иаков узнал, что Лаван замышляет худое, и сказал женам своим: *несть лице отца вашего, якоже вчера и третьяго дне* (Быт. 31: 5). Так Самуил узнал Давида; потому что радостотворны были очи его и зубы белы, как молоко. Так узнавали и Антония; потому что, при душевном спокойствии, он никогда не возмущался и при радостном состоянии духа никогда не бывал мрачен.

68. Весьма чуден был он по вере и благочестив. Никогда не имел общения с отщепенцами-мелетианами, зная давнее их лукавство и отступничество;

не беседовал дружески с манихеями или с другими еретиками, разве только для вразумления, чтобы обратились к благочестию. И сам так думал, и другим внушал, что дружба и беседа с еретиками – вред и гибель душе. Гнушался также и арианской ересью и всякому давал заповедь не сближаться с арианами и не иметь их зловерия. Когда приходили к нему некоторые из ариан, то, испытав и изведав, что они нечествуют, прогонял с горы, говоря, что речи их хуже змеиного яда.

69. Однажды ариане распустили ложный слух, будто и Антоний одинаковых с ними мыслей. Тогда вознегодовал он и раздражился против них; а потом, по просьбе епископов и всей братии, сошел с горы и, прибыв в Александрию, осудил ариан, сказав, что арианство есть последняя ересь и предтеча антихриста. Народ же он

поучал, что «Сын Божий не тварь и не из не-сущих, но есть вечное Слово и Премудрость Отчей сущности. А посему нечестиво говорить о Сыне: было, когда Его не было. Ибо Слово всегда соприсуще Отцу. Поэтому не имейте никакого общения с нечестивейшими арианами. Ибо нет никакого общения свету к тме (2 Кор. 6: 14). Как вы, благочестиво верующие, именуетесь христианами: так они, именующие тварию сущего от Отца Божия Сына и Отчее Слово, ничем не отличаются от язычников, служа твари пачи сотворившего Бога. Верьте же, что даже и вся тварь негодует на них за то, что Творца и Господа Вселенной, *Им же вся быша*, сопричисляют к существам сотворенным».

70. Весь народ радовался, слыша, что таким мужем анафематствуется христорборная ересь. Все жители города сбегались видеть Антония. Даже

язычники и так называемые их жрецы приходили в храм Господень, говоря: «Желаем видеть человека Божия». Ибо так называли его все. И здесь Господь чрез него освободил многих от бесов и исцелил повредившихся в уме. Многие даже из язычников желали хотя прикоснуться только к старцу, в той уверенности, что получают от сего пользу. И действительно, в эти немногие дни столько обратилось в христианство, сколько в иные времена обращалось в продолжение года. Иные думали, что стечение народа беспокоит его, и потому отгоняли от него всех приходящих; но не возмущаемый ничем Антоний сказал: «Число приходящих не больше числа демонов, с которыми ведем брань в горе».

71. Когда же Антоний отходил и мы сопровождали его, тогда, как скоро дошли до городских врат, одна женщина

воскликнула позади нас: «Остановись, человек Божий! Дочь мою жестоко мучит бес. Остановись, умоляю тебя, чтобы и мне, бегущей за тобою, не потерпеть беды». Старец, услышав это и, упрощенный нами, охотно остановился. И как скоро женщина приблизилась, дочь ее повергнута была на землю: но Антоний помолился и призвал имя Христово; тогда отроковица восстала здоровою, потому что вышел из нее нечистый бес. Мать благословляла Бога, и все воздавали Ему благодарение. Сам же Антоний радовался, возвращаясь в гору, как в собственный свой дом.

72. Был же он весьма разумен и, что удивительно, не учась грамоте, отличался тонкостью и проницательностью ума. Однажды пришли к нему два языческих философа, думая, что могут искусить Антония. Был же он на внешней горе и, догадавшись по лицу шедших, какие это люди, вышел к ним и сказал

через переводчика: «Почему столько беспокоитесь вы, философы, для человека несмысленного?» Когда же ответили они, что Антоний человек вовсе не несмысленный, а напротив того, весьма умный, тогда продолжал он: «Если шли вы к человеку несмысленному, то напрасен труд ваш. А если почитаете меня разумным, то будьте такими же, каков я; потому что хорошему должно подражать. Если бы и я пришел к вам, то вам стал бы подражать. Если же вы ко мне пришли, то будьте такими же, каков я; а я – христианин». Философы удалились с удивлением. Они видели, что и демоны боятся Антония.

73. Когда еще встретились с ним на внешней горе иные, подобные сим философам, и думали осмеять его в том, что не учился он грамоте, тогда Антоний спрашивает их: «Как скажете: что первоначальнее – ум или письмена?»

И что чему причиною: ум ли письменам или письмена уму?» Поелику же ответили они: ум первоначальнее и он изобретатель письмен; то Антоний сказал: «Поэтому, в ком здравый ум, тому не нужны письмена». Этот ответ поразил и философов, и всех бывших при сем; и они ушли, дивясь, что в неученом нашли такую пронизательность. Ибо Антоний не грубый имел нрав, как возросший и состарившийся на горе, а напротив того – был приятен и обходителен. Слово его растворено было Божественною солью; а потому никто не имел к нему ненависти, все же приходившие к нему паче о нем радовались.

74. И действительно, когда после сего пришли к нему еще несколько человек язычников, почитавшихся мудрецами, и потребовали у него слова о вере нашей во Христа, имели же намерение войти

в рассуждение о проповеди Божественного Креста, чтобы посмеяться; тогда Антоний, помолчав немного и сперва пожалев об их невежестве, сказал им чрез переводчика, верно передававшего слова его: «Что лучше – исповедовать ли Крест или так называемым у вас богам приписывать блудодеяния и детораствление? Проповедуемое у нас есть доказательство мужества и знак презрения смерти; а чему учите вы, то заражено непотребством. Притом что лучше: сказать ли, что Слово Божие не изменилось и, пребывая одним и тем же, к благодетельствованию человеков и для спасения их, восприяло на Себя человеческое тело, чтобы, приобщившись к бытию человеческому, соделать людей участниками Божественного и духовного естества, или Божество уподоблять бессловесным и потому чувствовать животных четвероногих, пресмыкающихся

и человеческие изображения? А таковы чтилища ваших мудрецов! Как же осмеливаетесь вы посмеяться над нами, утверждающими, что Христос явился человеком, – когда сами, сводя душу с неба, утверждаете, что она блуждает и с небесного свода ниспадает в тело? И пусть бы еще ниспадала только в тело человеческое, а не переходила и не переселялась в четвероногих и пресмыкающихся! Наша вера говорит о Пришествии Христовом для спасения человеческого; а вы заблуждаетесь, потому что толкуете о душе нерожденной. Мы рассуждаем о всемогуществе и человеколюбии Промысла, потому что и сие не невозможно Богу; а вы, называя душу образом Ума, приписываете ей падения и суесловите, что она превратна; а наконец, по причине превратности души, допускаете, что и самый Ум превратен. Ибо каков образ, таким необходимо быть и тому, чей он

образ. Поелику же так думаете об Уме, то размыслите, не хулите ли чрез это и Того, кто отец Уму».

75. «А если говорить о кресте, то что признаете лучшим: претерпеть ли крест по злоумышлению людей лукавых и не ужасаться какого бы то ни было рода смерти – или слагать басни о странствиях Озириса и Изиды, о кознях Тифона, о бегстве Крона, о поглощении детей и об отцеубийствах? Ибо это – ваши мудрования. Почему же, посмеваясь Кресту, не удивляетесь Воскресению? Ибо сказавшие одно написали и другое. Или почему, упоминая о Кресте, умалчиваете о воскресенных мертвецах, о прозревших слепцах, об исцеленных расслабленных, об очищенных прокаженных, о хождении по морю и других знамениях и чудесах, показывающих, что Христос не человек, но Бог? Мне кажется,

что вы весьма несправедливы сами к себе и не читали с искренним расположением наших Писаний. Прочтите же и увидите: дела, совершенные Христом, доказывают, что Он Бог, пришедший для спасения человеков».

76. «Скажите же и вы нам свое учение. Что можете сказать о безсловесных, кроме того, что они неразумны и свирепы? Если же, как слышу, вознамеритесь утверждать, будто бы все это говорится у вас приточно и похищение девы есть иносказание о земле, а хромой Гефест – об огне, Гера – о воздухе, Аполлон – о солнце, Артемида – о луне, Посейдон – о море; и в этом случае чувствуете не Самого Бога, но, вместо сотворшего все Бога, служите твари. Ибо если сложили вы подобные басни по той причине, что тварь прекрасна, то должно было удивляться только тварям, а не боготворить их,

чтобы чести, подобающей Создателю, не воздать созданиям. Иначе следует вам честь, принадлежащую зодчему, воздавать сооруженному им дому или честь, принадлежащую военачальнику, воздавать воину. Что скажете на это, из чего могли бы мы узнать, — точно ли Крест имеет в себе что-либо достойное осмеяния?»

77. Поелику же они были в недоумении и обращались туда и сюда, то Антоний, улыбнувшись, сказал еще чрез переводчика: «Хотя с первого взгляда видно это само собою; однако же, поелику опираетесь вы более на доказательство из разума и, владея сим искусством, требуете, чтобы и наше богочестие было не без доказательств от разума; то скажите мне прежде всего: каким образом приобретается точное познание о вещах и преимущественно ведение о Боге, — посредством ли

доказательств от разума или посредством действительности веры? И что первоначальнее: действительная ли вера или разумное доказательство?» Когда же ответили они, что действительная вера первоначальнее и что она есть точное ведение, тогда сказал Антоний: «Хорошо говорите вы. Вера происходит от душевного расположения, а диалектика – от искусства ее составителей. Поэтому, в ком есть действительность веры, для того не необходимы, а скорее излишни доказательства от разума. Ибо что уразумеваем мы верою, то вы пытаетесь утверждать из разума, – и часто бываете не в состоянии выразить то словом, что мы разумеем ясно; а посему действительность веры лучше и тверже ваших велемудрых умозаключений».

78. «Итак, у нас, христиан, таинство боговедения не в мудрости языческих

умствований, но в силе веры, даруемой нам от Бога Иисусом Христом. И истинно слово мое; ибо вот ныне мы, не учившись письменам, веруем в Бога, из творений познавая Его обо всем промыслении. И действенна вера наша; ибо вот ныне мы утверждаемся на вере во Христа, а вы – на велемудрых словопрениях, и ваши идолы не чудодействуют более, а наша вера распространяется повсюду; и вы своими умозаклучениями и своим велемудрием никого не совращаете из христианства в язычество, а мы, уча вере во Христа, отвращаем людей от вашего суеверия, потому что все признают Христа Богом и сыном Божиим; вы своим красноречием не можете положить преград учению Христову, а мы именем Христа распятого прогоняем всех демонов, которых страшитесь вы, как богов; и где знамение крестное, там изнемогает чародейство, бездейственно волшебство».

79. «Скажите, где теперь ваши про-рицалица? Где египетские волхвова-ния? Где призраки чародеев? Когда все это прекратилось и утратило силу? Не с того ли времени, как явился Крест Христов? Поэтому он ли достоин пос-меяния или более смешно то, что им по-прано и обличено в немощи? И то еще удивительно, что ваша вера никог-да не была гонима, но чувствуется людь-ми в городах; исповедники же Христо-вы гонимы, и, однако же, наша вера па-че вашей цветет и распространяется. И ваша вера, хвалимая и прославля-емая, гибнет; а вера христианская и учение Христово, вами осмеиваемые и часто гонимые царями, наполнили собою вселенную. Ибо когда просияло так боговедение? Или когда появились в такой силе целомудрие и добродетель девства? И когда люди в такой мере ста-ли презирать смерть? Не со времени ли Креста Христова? Никто не усомнится

в этом, видя мучеников, ради Христа презирающих смерть, видя дев церковных, ради Христа сохраняющих тела свои чистыми и неоскверненными».

80. «И этих доводов достаточно в доказательство, что вера Христова есть единое истинное богочестие. Доныне еще нет веры у вас, ищущих доказательств от разума. А мы, как сказал учитель наш, *не в препретельных человеческия премудрости словесех* (1 Кор. 2: 4) ищем доказательств, но ясно убеждаем верою, предваряющей построения разума. Вот и здесь находятся страждущие от демонов». (В числе пришедших к Антонию были мучимые бесами.) И Антоний, изведя их на середину, сказал: «Или вы своими умозаключениями и каким угодно искусством и чародейством, призвав идолов ваших, изгоните из них бесов, или, если не можете, перестаньте препираться

с нами, и увидите силу Креста Христова». Сказав это, призвал он имя Христово, в другой и в третий раз запечатлел страждущих крестным знаменем, и вдруг они избавились от страданий, стали здравы умом и возблагодарили наконец Господа. А так называемые философы дивились и подлинно изумлялись, видя и благоразумие Антония, и совершенное им чудо. Антоний же сказал им: «Что дивитесь сему? Не мы делаем это, творит же сие Христос чрез верующих в него. Посему и вы уверуйте; тогда увидите, что у нас не искусство владеть словом, но вера, сильная действенною ко Христу любовью. Если бы и вы имели веру сию, то не стали бы искать доказательств от разума, но почли бы достаточной для себя веру во Христа». Так говорил Антоний. Они же с удивлением удалялись, лобзая Антония и сознаваясь, что приобрели от него пользу.

81. Слух об Антонии дошел и до царей. Константин Август и сыновья его Констанций и Констанс Августы по слуху сему писали к нему, как к отцу, и желали получить от него ответ. Но для Антония немного значили и царские письма, не восхитился он этими посланиями, но пребыл таким же, каким был прежде, нежели писали к нему цари. А когда принесли ему эти послания, созвал он монахов и сказал: «Не дивитесь, если пишет к нам царь, потому что и он человек; но дивитесь паче тому, что Бог написал людям закон и глаголал к ним чрез собственного Сына Своего». Поэтому думал он не принять писем, говоря: «Не умею отвечать на подобные писания». Но монахи представляли, что цари эти – суть христиане и могут соблазниться, если письма будут отринуты; посему дозволил прочесть и отвечал на эти послания, восхваляя царей за то, что

поклоняются Христу, и дал им спасительные советы не высоко ценить настоящее, но памятовать паче о будущем Суде и ведать, что Христос есть единый истинный и вечный Царь; просил также царей быть человеколюбивыми, заботиться о правде и о нищих. И они с радостью приняли ответ. Так был он возлюблен всеми; так все желали иметь его отцом.

82. Сделавшись уже столько известным и после того, как давал такие ответы приходившим, снова возвратился он во внутреннюю гору и проводил время в обычных своих подвигах. Нередко, сидя или ходя с пришедшими к нему, бывал в ужасе, как пишется о Данииле (см. Дан. 4: 16), и, по прошествии некоторого времени, продолжал беседу свою с бывшими при нем братьями. И они догадывались, что Антонию было какое-либо видение. Ибо нередко, пребывая в горе, видел он,

что делалось в Египте, и пересказывал это епископу Серапиону, который был тогда при Антонии и примечал, что Антонию было видение. Однажды, сидя и занимаясь рукодельем, Антоний пришел как бы в восхищение и во время видения сильно вздыхал. Потом, чрез несколько времени обратясь к бывшим при нем, вздохнул и, трепеща всем телом, начал молиться, преклонив колена, и долго оставался в таком положении. Встав же, старец стал плакать. Поэтому бывшие при нем, приведенные в трепет и великий страх, изъявили желание узнать его видение и долго утруждали его просьбами, пока не вынудили сказать. И, сильно воздохнув, произнес он: «Лучше, дети, умереть, пока не исполнилось видение». Поелику же они снова стали упрашивать, то, залившись слезами, сказал: «Гнев постигнет Церковь, будет она предана людям,

которые подобны скотам безсловесным. Ибо видел я трапезу храма Господня и кругом ее отовсюду стоящих мсков, которые бьют в нее ногами, как обыкновенно делают бесчинно прыгающие и лягающиеся скоты. Конечно же, заметили вы, – продолжал он, – как воздыхал я; ибо слышал голос, говорящий: “Осквернен будет жертвенник Мой”». Такое видение было старцу. И чрез два года открылось у нас нынешнее нашествие ариан и расхищение церквей, когда ариане, с насилием похищая церковную утварь, носить ее заставляли язычников, когда язычники принуждаемы были оставлять свои работы и идти в собрания ариан, где они, в присутствии язычников, делали на святых трапезах что хотели. Тогда-то все мы поняли, что ляганием мсков предуказано было Антонию то именно, что теперь, как скоты, неразумно делают

ариане. После же того, как было Антонию это видение, утешал он бывших при нем, говоря: «Не унывайте, дети; как прогневался Господь, так и исцелит опять. И Церковь вскоре восприимет снова благолепие свое и обычную ей светозарность. Тогда увидите, что гонимые будут восставлены, нечестие снова удалится в норы свои, а благочестивая вера повсюду возвещается будет со всею свободою. Не оскверняйте только себя с арианами; потому что не апостольское это учение, но бесовское, ведет начало от отца их диавола и, лучше сказать, так же бесплодно, неразумно, лишено правого смысла, как и безсловесные мски».

83. Таковы-то Антониевы деяния, и не должно повергать нас в неверие то, что столько чудес произведено человеком. Ибо Спаситель дал обетование, говоря: *аще имате веру яко зерно*

*горушно, речете горе сей: прејди от-
сюду тамо, и прејдет, и ничтоже не-
возможно будет вам (Мф. 17: 20); и
еще: аминь, аминь глаголю вам, аще
чесо просите отъ Отца во имя Мое,
даст вам... Просите, и примете (Ин.
16: 23–24). Сам Господь говорит учени-
кам и всем верующим в Него: болящя
исцеляйте... бесы изгоняйте: туне
приясте, туне дадите (Мф. 10: 8).*

84. Антоний исцелял не повели-
тельным словом, но молитвою и при-
званием имени Христова, желая для
всех соделать явственным, что творит
это не он, но Господь чрез Антония яв-
ляет Свое человеколюбие и исцеляет
страждущих; Антонию же принадле-
жат только молитва и подвиги, ради
которых, пребывая в горе, утешаем он
был Божественными видениями. Он
скорбел, что многие беспокоят и при-
нуждают его оставлять гору.

Все судьи просили его сходить с горы, ссылаясь на невозможность самим им входить туда с сопровождающими их подсудимым, а на самом деле желая только, чтобы пришел Антоний и можно было видеть его. Поэтому Антоний уклонялся от сего и отказывался ходить к ним. Но они настаивали и даже подсудимых посылали вперед в сопровождении воинов, чтобы, хотя ради них, сошел Антоний. Посему, вынуждаемый необходимостью и видя их жалобы, выходил он на внешнюю гору. И сей труд его бывал также небезполезен; напротив же того, пришествие его многим служило на пользу и было благодетельно. И судьям давал он полезные советы предпочитать всему правду, бояться Бога и знать, что, каким судом сами судят, таким и судимы будут (см. Мф. 7: 12). Впрочем, паче всего любил он пребывание в горе.

85. Посему однажды, когда сильно побуждали его сойти с горы имеющие в нем нужду и долго просил о том один военачальник, Антоний пришел и, кратко побеседовав о том, что служит ко спасению и о потребностях нуждающихся, спешил идти назад. Поелику же упомянутый военачальник стал просить, чтобы помедлил, сказал он, что не может долее оставаться с ними, и убедил в этом военачальника таким остроумным сравнением: «Как рыбы, оставаясь долго на сухой земле, умирают, так и монахи, замедляя с вами и проводя время в вашем обществе, расслабевают. Поэтому, как рыбе должно спешить в море, так нам в гору, чтобы, промедлив у вас, не забыть того, что внутри». Военачальник, выслушав от него это и многое другое, в удивлении сказал: «Подлинно он Божий раб. Ибо откуда у человека не книжного быть

такому великому уму, если бы не был он возлюблен Богом?»

86. Один же военачальник, по имени Валакий, немилосердо гнал нас, христиан, из усердия к злоименным арианам. Он был до того жесток, что бил дев, обнажал и наказывал бичами монахов. Антоний посылает к нему и пишет письмо в таком смысле: «Вижу грядущий на тебя гнев Божий. Перестань гнать христиан, иначе гнев постигнет тебя. Ибо он готов уже поразить тебя». Валакий, рассмеявшись, бросил письмо на землю и оплевал его, принесшим же нанес оскорбление и велел сказать Антонию следующее: «Поелику заботишься о монахах, то дойду и до тебя». Но не прошло и пяти дней, как постиг его гнев Божий. Валакий с Несторием, епархом египетским, отправился на первый ночлег от Александрии, именуемый Хереус; оба ехали

на конях, принадлежавших Валакию, и кони эти были смирнее всех, каких только держал он у себя. Не успели добраться до места, как начали кони по обычаю играть между собою, и самый смирный из них, на котором ехал Несторий, вдруг начал кусать Валакия и до того зубами изгрыз ногу его, что немедленно отнесли его в город, а на третий день он умер. Тогда все удивились, что так скоро исполнилось Антониево предсказание.

87. Так вразумлял Антоний людей жестокосердых; других же, приходивших к нему, приводил в такое умиление, что немедленно забывали они о делах судебных и начинали ублажать отрекшихся от мирской жизни. За обиженных же Антоний предстательствовал с такою силою, что можно было подумать, будто бы терпит обиду сам он, а не другой кто. Притом в такой мере

умел он говорить на пользу каждому, что многие из людей военных и имеющих большой достаток слагали с себя житейские тяготы и делались наконец монахами. Одним словом, как врач, дарован он был Богом Египту. Ибо кто, если приходил к нему печальным, возвращался от него не радуясь? Кто, если приходил к нему проливающим слезы об умерших, не оставлял тотчас своего плача? Кто, если приходил гневным, не переменял гнева на приятельство? Какой нищий, пришедши к нему в унынии, и послушав его и посмотрев на него, не начинал презирать богатства и не утешался в нищете своей? Какой монах, предававшийся нерадению, как скоро приходил к нему, не делался гораздо более крепким? Какой юноша, пришедши на гору и увидев Антония, не отрекался тотчас от удовольствий и не начинал любить целомудрие? Кто приходил к нему искушаемый бесом

и не обретал себе покоя? Кто приходил к нему смущаемый помыслами и не находил тишины уму?

88. Великим плодом Антониева подвижничества было и то, что Антоний, как говорил я выше, имея дар различения духов, узнавал их движения, и не оставалось для него неизвестным, к чему было рвение и стремление какого-либо духа. Не только сам он не бывал поруган бесами, но и смущаемых помыслами, утешая, учил, как нужно низлагать наветы врагов, рассказывая о немощи и коварстве их. Посему каждый отходил от него, укрепившись в силах, чтобы небоязненно противостоять умышлениям диавола и демонов его. Сколько дев, имевших уже женихов, когда издали только видели Антония, пребыли Христовыми девами! Приходили к нему и из чужих земель и, вместе со всеми получив пользу, воз-

вращались, как бы расставаясь с отцом. И теперь, по его успению, все, став как сироты после отца, утешаются одним воспоминанием о нем, храня в сердце наставления и увещания его.

89. А каков был конец жизни его, это достойно того, чтобы и мне напомнить, и вам выслушать с любовью; потому что и в этом должно соревновать ему. Посещал он, по обычаю, монахов, живущих на внешней горе, и, предуведомленный Промыслом о кончине своей, сказал братии так: «Последнее это мое посещение вам; и удивительно будет, если увидимся еще в жизни сей. И мне время уже разрешиться, потому что близ ста пяти лет имею себе от роду». Братья, слыша это, плакали, обнимали и лобызали старца. А он, как бы из чужого города возвращаясь в свой, беседовал с ними весело и заповедал им трудиться нелестно и не унывать

в подвиге, но жить, как бы ежедневно умирая, и, по сказанному выше, стараться охранять душу свою от нечистых помыслов, соревновать святым, не сближаться с отщепенцами-мелетянами, зная лукавое и мерзкое их произволение, не иметь никакого общения с арианами, потому что их нечестие всякому явно. «И если видите, что им покровительствуют судьи, не смущайтесь; потому что лжемудрие их прекратится, оно временно и непродолжительно. Посему храните себя паче чистыми от него, соблюдайте предание отцов, предпочтительно же всему благочестную веру в Господа нашего Иисуса Христа, какой научились вы из Писания и о какой часто напоминал я вам».

90. Когда же братья неотступно стали просить, чтобы у них остался и скончался, он не согласился на это,

как по многим причинам, какие, даже умалчивая о них, давал, однако же, выразуметь, так особенно по следующей. Египтяне имеют обычай хотя и совершать чин погребения над телами скончавшихся уважаемых ими людей, и особенно святых мучеников, обвивать их пеленами, но не предавать их земле, а возлагать на ложах и хранить у себя в домах, думая, что этим воздают чествование отошедшим. Антоний многократно просил епископов запретить это мирянам, также и сам убеждал мирян и делал выговоры женщинам, говоря: «Незаконно это и вовсе неблагочестно. Ибо тела патриархов и пророков доныне хранятся в гробницах, и само тело Господне положено было во гроб, и приваленный камень скрывал оное, пока не воскресло в третий день». Говоря же это, показывал он, что незаконно поступает, кто тела скончавшихся, даже и святые, не предает по

смерти земле. Ибо что досточестнее и святее Господня тела? Посему многие, выслушав это, стали потом тела умерших предавать земле и, научившись у Антония, благодарили за сие Господа.

91. Антоний же, зная этот обычай и опасаясь, чтобы не поступили так и с его телом, простившись с монахами, пребывавшими на внешней горе, поспешил отшествием и, пришедши во внутреннюю гору, где обыкновенно пребывал, чрез несколько месяцев впал в болезнь. Тогда, призвав бывших при нем (было же их двое; они жили с ним на внутренней горе, подвизаясь уже пятнадцать лет и прислуживая Антонию по причине старости его), сказал им: «Аз, как написано, *отхожду в путь отцев* (Нав. 23: 14). Ибо вижу, что зовет меня Господь. А вы трезвитесь и не погубите многолетних наших подвигов, но, как начали теперь, так и старайтесь

соблюсти свое усердие. Знаете злокозненность демонов, знаете, как они жестоки, но немощны в силах. Поэтому не бойтесь их, но паче укрепляйтесь всегда о Христе и веруйте в Него; живите, как бы ежедневно умирая; будьте внимательны к себе самим; помните наставления, какие слышали от меня. Да не будет у вас никакого общения с отщепенцами, и особенно с еретиками-арианами. Ибо знаете, сколько и я избегал их за христорборную и иномысленную их ересь. Старайтесь же паче пребывать всегда в единении между собою, а преимущественно с Господом, и потом со святыми, да примут они и вас по смерти в вечные кровы, как друзей и знаемых. О сем помышляйте, сих держитесь мыслей, и если имеете попечение о мне и помните, как об отце, то не попустите, чтобы кто-либо взял тело мое в Египет и положил у себя в доме; во избежание сего удалился я

в гору и пришел сюда. Знаете, как всегда порицал я делающих это и убеждал оставить такой обычай. Предайте тело мое погребению и скройте под землю. Да соблюдено будет вами сие мое слово, чтобы никто не знал места погребения тела моего, кроме вас одних; потому что в воскресение мертвых приму оное от Спасителя нетленным. Разделите одежды мои: епископу Афанасию отдайте одну милоть и подостланную подо мною одежду – она им мне дана новая и у меня обветшала; а епископу Серапиону отдайте другую милоть; власяницу возьмите себе. Прощайте, чада; Антоний преселяется, и не будет его более с вами!»

92. Сказав это, когда облобызали его бывшие при нем, Антоний протянул ноги и, как бы видя пришедших к нему друзей и обрадованный прибытием их (ибо возлежал с веселым лицом),

скончался и приложился к отцам. Они же, как дал им заповедь, совершив чин погребения, обвив тело, предали его земле, и, кроме них двоих, донныне никто не знает, где оно погребено. Каждый из получивших милоть блаженного Антония и изношенную им одежду хранит их как нечто великое. Ибо взирать на сие значит как бы видеть самого Антония, а носить это на себе значит как бы с радостью исполнять его наставления.

93. Таков был конец Антониевой жизни в теле, и таково начало его подвижничества. И хотя повествование сие малозначительно в сравнении с Антониевыми добродетелями, однако же и из сего заключайте, каков был Божий человек Антоний. С юных лет и до такого возраста соблюдавший равное усердие к подвижничеству, ни по старости не обольщавшийся дорогими снедями,

ни по немощи тела своего не изменявший вида своей одежды или даже не обмывавший ног водою, ни в чем, однако же, не потерпел он вреда. Глаза у него были здоровы и невредимы, и видел он хорошо. Не выпало у него ни одного зуба, а только ослабли они в деснах от преклонных лет старца. Здоров он был руками и ногами. Одним словом, казался бодрее и крепче всякого, пользующегося разнообразными снедями, омовениями и различными одеждами. А что всюду говорили о нем, все удивлялись ему, даже не выдавшие любили его – это служит доказательством его добродетели и боголюбивой души. Ибо не сочинениями и внешнею мудростью, не искусством каким, но единым богочестием стал известен Антоний. И никто не станет отрицать, что это был Божий дар. Ибо как в Испанию, в Галлию, в Рим и в Африку

дошел бы слух о человеке, который скрывался и жил в горе, если не Бог соделывал повсюду известными рабов Своих, что и Антонию обещал Он еще вначале? Хотя сами они делают все тайно и желают быть сокрытыми; но Господь делает их видимыми для всех, подобно светильникам, чтобы, слыша о них, знали, как могут заповеди приводить к преспеянию, и возревновали идти путем добродетели.

94. Поэтому прочтите сие жизнеописание и другим братьям; пусть узнают, какова должна быть жизнь иноческая, и пусть убедятся, что Господь и Спаситель наш Иисус Христос прославляет прославляющих Его и служащих Ему до конца не только вводит в Небесное Царствие, но и здесь, сколько бы ни утаивались и ни старались пребывать в уединении, соделывает повсюду известными и славными, ради

добродетели их и ради пользы других. Если же потребует нужда, прочтите это и язычникам; пусть и они таким образом познают, что не только Господь наш Иисус Христос есть Бог и Сын Божий, но и искренне служащие Ему и благочестно верующие в Него христиане тех самых бесов, которых язычники почитают богами, не только изобличают, что они не боги, но, как обольстителей и растлителей человека, попирают и прогоняют о Христе Иисусе, Господе нашем. Ему слава во веки веков! Аминь.

Часть II

ПОСЛАНИЯ
СВЯТОГО
АНТОНИЯ
ВЕЛИКОГО

*с предисловием
епископа Каллиста
Диоклийского*

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Врач, которого Бог даровал Египту» – так описал святого Антония Великого (251 – 356) его друг и биограф святой Афанасий Александрийский. Не только из Египта, но из самых отдаленных частей Римской империи непрерывный поток посетителей тянулся в пустыню, чтобы увидеть отшельника Антония: священники, монахи, миряне. Одни шли за советом в каком-нибудь своем деле, другие просто хотели побыть с ним рядом, получая уроки из его молчания и находя, что само его присутствие обновляет в них

надежду*. Святой Антоний – прообраз особого и характерного для восточного христианства духовного типа *старца*, *geron* (греч.), благодатного «аввы», или духовного наставника.

Многие из слов и советов, которыми святой Антоний врачевал своих братьев-христиан, дошли до нас – обработанные и в большей или меньшей мере изданные – в его Житии, составленном святым Афанасием, и в «Апофтегмах», или «Словах отцов-пустынников»**. Однако позаботился ли сам святой Антоний о том, чтобы записать свое ду-

* Ср. рассказ из Апофтегмата: «Три старца имели обыкновение каждый год приходиться к блаженному Антонию. Двое из них расспрашивали его о своих помышлениях и о спасении души; третий же хранил полное молчание. По прошествии долгого времени авва Антоний сказал ему: “Ты здесь уже долгое время и ни о чем меня не спросил!” Тот отвечал: “Одного мне довольно, отче: смотреть на тебя”». – Альфа. Авва Антоний 27. J-C. Gui, p.21.

** Этот памятник, *Apophthegmata Patrum* (Migne, *Patrologia Graeca*, LXV), в последние десятилетия пользуется огромной исследовательской и читательской

ховное учение, – и сохранились ли эти записи? Житие сообщает нам, что он «не знал грамоты», но и при этом он вполне мог бы диктовать то, что считал нужным, своим ученикам. И действительно, семь посланий, авторство которых традиционно относят к святому Антонию, сохранились. Их аутентичность оспаривалась, но к настоящему времени большинство исследователей признает их подлинными. (Существует, кроме того, еще двадцать посланий, которые определенно сомнительны.) Если эти семь посланий действительно принадлежат святому Антонию, изначально они должны были быть написаны на коптском, родном языке

популярностью в Европе. Среди новейших переводов укажем английский: *Sayings of the Desert Fathers*, transl. by Sister Benedicta Ward, Mowbrays 1975, французский: *Paroles des anciens. Apophtegmes des peres du desert*. Traduits et presentes par Jean-Claude Guy. Editions du Seuil, 1976. (см. библ.) и итальянский: *I padri del deserto*. Detti, a cura di L. Mortari, Roma 1972.

местных египетских христиан. Часть этого коптского текста сохранилась; существует сирийский перевод первого послания и полная версия всех семи на грузинском и латинском.

Насколько мне известно, в настоящем издании эти семь посланий впервые появляются на английском. Их переводчик, священник и доктор богословия Дервас Читти (1901–1971), посвятил жизнь изучению раннего египетского и палестинского монашества, собрав плоды своих сорокалетних разысканий в замечательном труде «Гражданство Пустыни»*. Настоящий перевод посланий он подготовил для собственного пользования, не для публикации; и хотя он подарил нескольким своим друзьям машинописные копии перевода, без сомнения, он захотел бы пересмотреть этот текст, прежде,

* Derwas J. Chitty, D.D. *The Desert a City*. Basic Blackwell, Oxford, 1966.

чем отдавать его в печать. Я внес в него несколько незначительных поправок, во избежание некоторых неясностей. В качестве вступления мы включили в это издание небольшую статью, подготовленную отцом Дервасом для журнала «Соборность»*. Она перепечатывается с любезного разрешения издателя журнала. Я снабдил ее сносками и расширил библиографию.

На первый взгляд эти семь посланий могут показаться ничем особенно не примечательными. Требуется перечсть их не один раз, медленно и внимательно, чтобы проступил их более глубокий смысл. Тогда читатель постепенно начнет различать ведущие темы учения святого Антония, к которым он постоянно возвращается: это тема свидетельства, которое Дух Святой рождает в сознании каждого человека; это необходимость достичь самопознания,

* Sobornost, series. 3, 19 (1956), pp. 339–43.

то есть открыть в себе и полюбить наше истинное я, сотворенное по образу Божию; далее, это всецелое спасение человека, и души его и тела; это призыв следовать Господу в Его крайнем самоуничижении и смирении; это, наконец, единство Церкви, которое обнимает и Ветхий, и Новый Завет, и Ангелов, и святых, и живущих на земле; наша взаимозависимость в общем наследстве как членов друг друга в Теле Христовом.

Эти основные темы посланий выражены в словах, которые своей прямоотой и простотой напоминают «Слова отцов-пустынников». «Дух входит в любящее товарищество с умом», – пишет святой Антоний. «...Упорствуйте в свидетельстве, которое Дух вынашивает в уме, как дитя... Дух определяет человеку труды, которыми тот стесняет свою душу и тело, чтобы они очистились и вместе вошли в свое наследство... Узна-

вайте себя... Тот, кто знает себя, знает Бога... Кто знает себя, знает и всех людей... Кто может любить себя, любит всех... От ближнего – наша гибель, и жизнь наша – тоже от ближнего... Кто грешит против ближнего, грешит против себя... Все мы члены друг друга и тело Христово, и голова не может сказать ноге: “Не нужна ты мне”. И если один член страдает, все тело затронуто и страдает вместе с ним... Потому мы всеми силами должны любить друг друга. Ибо тот, кто любит ближнего, любит Бога; и кто любит Бога, любит свою душу».

Здесь мы слышим неподдельный голос пустынноческого опыта.

Епископ Каллист Диоклийский
Оксфорд, 1975

ВСТУПЛЕНИЕ

17 января 356 года святой Антоний почил в уединенном пустынном приюте в горах над Красным морем, куда он удалился больше чем за сорок лет до этого. В течение месяца святой Афанасий, уже в третий раз насильственно изгнанный со своего епископского престола Александрии, скрывался от преследований (за голову его была назначена цена) и поневоле делил долгие часы уединения с монахами, чьи молитвы и чья вера всегда были для него крепкой поддержкой. В этих-то условиях он и писал как руководство для духовной жизни монахов из других мест,

попросивших его о том, «Житие святого Антония», которому в латинском переводе вскоре суждено было сыграть столь памятную роль в обращении блаженного Августина*, и которое доныне остается неоспоримой классикой христианской духовной традиции.

Можно радоваться, что прошли те дни, когда почтенные историки, вроде Gwatkin, могли говорить о «великом отшельнике Антонии, которого никогда не существовало». Зато личность святого Афанасия была для нас слишком бесспорной, чтобы без колебаний решить, в какой мере Житие представляет собой портрет реального Антония, в какой мере это создание художника. К счастью, существует немало свидетельств в других источниках – в жизнеописаниях Пахомия, «Словах отцов-пустынных», у Евагрия, Кассиана и других,

* Исповедь. VII, 6–7.

которые подтверждают этот образ; да и качества самого Афанасия-историка (допустим, и предвзятого) в других его трудах склоняют в пользу точности того исторического очерка, который он дает нам. Больше того, мы можем теперь с достаточной уверенностью утверждать, что и семь посланий, которые еще блаженный Иероним считал принадлежащими святому Антонию, дошли до наших дней: одно послание и несколько фрагментов на коптском языке, еще одно – на сирийском, очевидно, непосредственно основанное на коптском оригинале; и все семь – в латинской и грузинской версиях пропавшего греческого перевода. Несмотря на некоторые темные места в переводах – а если верить святому Афанасию, сам коптский оригинал должен был быть записан под диктовку, – мы чувствуем, что в посланиях с нами на самом деле говорит Антоний Жития.

Год «Миланского эдикта», 313-й, может считаться рубежным годом «прихода эпохи» христианской Церкви. В Египте это был, вероятно, год трех знаменательных событий: вступления юного Афанасия на службу к епископу Александрийскому; крещения Пахомия и начала его подвижничества; удаления Антония во «внутреннюю пустыню» к Красному морю. Два последних события отмечают «приход эпохи» христианского монашества, хотя и не рождение его. Учитель Пахомия, Паламон, передал ему правило жизни, которому сам был обучен, и облачил его в особую монашескую одежду («схиму»), что воспринималось уже как нечто само собой разумеющееся*. И Антоний, которому было за шестьдесят, так же провел сорок лет, вырабатывая тот образ жизни, в котором вна-

* Vita prima 6.

чале не видели чего-то уникального и чей пионерский характер только теперь раскрылся вполне. У него также были наставники в третьем столетии. Его жизнь представляет собой мост между двумя эпохами – временем мучеников и временем христианской империи.

Ключ к его пути можно найти в евангельских словах; это они, услышанные двадцатилетним мальчиком в храме, увлекли его на тропу отречения от мира: «Если хочешь быть совершенным, иди и продай все, что имеешь...» Дальше история ведет нас через полосу внутренних искушений, когда Антоний поселяется в амбаре возле своего старого дома, – вплоть до того времени, когда диавол, изгнанный из его мыслей, начинает нападать на него извне, видимым образом. Дальше путь ведет нас к великой битве Антония с бесами в гробнице возле селения

(не образы ли древних египетских звериных богов на ее стенах отразились в облике его преследователей?), высшая точка которой – тихое откровение неотступного присутствия Христа: «Где же Ты был? Почему не показался Ты с самого начала, чтобы положить конец моим мучениям?» – «Я был здесь, Антоний; но Я ждал, чтобы увидеть твое сопротивление. И поскольку ты выстоял и не поддался, Я всегда буду тебе в помощь и прослаблю тебя повсюду». Только после этого Антоний уходит в дикую местность далее, чем было принято, к старой заброшенной крепости в горах – но все еще в пределах достижимости для своих друзей, – на двадцать лет уединенной борьбы и победы, пока наконец друзья не взламывают его двери, – и он выходит к ним, пятидесятипятiletний, совершенный во всех смыслах греческого слова *teleios* – выросший в полный рост, цельный

в уме и теле, с приведенной в строй, исцеленной человеческой природой, посвященный в тайны и захваченный Богом.

Теперь настает время передать другим тот образ жизни, который он обрел, предложить этот путь для тех, кто собрался вокруг него на горе и сделал его своим отцом. Но уже надвигается последнее великое гонение, и в скором времени Антоний спускается в Александрию, оказывая поддержку исповедникам и мученикам в их битве, стремясь к мученичеству, но не навлекая его на себя. Ибо битва монахов и битва мучеников – одна.

Гонение кончается, Антоний возвращается в свой старый приют. Но теперь он прославлен, и слава привлекает к нему мир: он вынужден бежать. И вот, пока он ждет лодку, которая должна перевезти его в Верхнюю Фиваиду, Дух внушает ему, что лучше присоединить-

ся к проходящему мимо арабскому каравану и отправиться с ним в трехдневный путь через пустыню к подножию высокой горы у Красного моря.

Здесь мы впервые читаем, что «ему понравилось это место». Силы зла еще рядом, завистливые и неотступные. Но основным тоном становится теперь какая-то райская ясность: даже дикие звери слушаются его, как некогда Адама. Естественно, братия вскоре отыскивают его и продолжают осуществлять связь между ним и миром. Время от времени он спускается навестить их на внешней горе, возле Нила. И еще раз, видимо, всего на два дня, летом 338 года он идет в Александрию, чтобы выразить свою поддержку Афанасию против ариан. Но в целом именно это тихое сердце молитвы на его внутренней горе и должно помниться как задний план всех битв Церкви в последующие сорок лет.

Евагрий вспоминает ответ Антония некоему философу, который спросил его, как он может выносить свое долгое одиночество, не утешаясь книгами: «Моя книга – природа сотворенных вещей, которая всегда передо мной, чтобы читать, когда я пожелаю, слова Божии»*.

Ничто так не далеко от святого Антония, как манихейский дуализм любого рода. И Житие, и послания ясно показывают, что брань его *не против плоти и крови*, но против невидимых сил зла (послания обходят молчанием те дьявольские наваждения, которые описаны в Житии и которыми почти исчерпывается представление о святом Антонии в народной традиции). Впадая в грех, мы становимся для них телами, и наши души – логовом нечистых духов. Но тела наши были созда-

* Practicus 92.

ны для воскресения. И добрые, и злые духи равно происходят от Всеблагого Творца*. Все это сообщает особую убедительность его безкомпромиссному воплощению принципа «Дружба с миром есть вражда против Бога». Без этого и без всепроникающего чувства Церкви свидетельство святого Антония было бы лишено своего смысла.

Первое послание, согласно сирийскому списку, адресовано «братиям, обитающим повсюду», и представляет собой скорее общий трактат о монашеской жизни. Остальные ближе к собственно эпистолярному жанру. Самое пространное послание обращено к монахам Арсиной (в Фаюме)**; *Житие* также говорит о связях Антония с тамошними монахами***. Другие послания адресованы безымянным

* Послание VI.

** Послание VI.

*** Афанасий. Житие Антония 15 (PG XXVI, 865B).

монашеским общинам – как можно предположить, разным, поскольку из послания в послание повторяются одни и те же темы, хотя каждая их вариация вносит что-то новое в общую картину учения святого. Что касается истории, послания не говорят нам об этом почти ничего, и только интересное упоминание Ария и его ереси* позволяет предположить датировку всей серии посланий (не похоже, чтобы их разделяли большие промежутки времени) временем где-то около 338 года, когда Антоний посещал Александрию.

Можно сделать несколько попутных замечаний общего характера. Разные переводы напоминают нам о том, что в коптском одно и то же слово должно было обозначать и ум (греч. nous), и сердце. Это, вероятно, немаловажное обстоятельство для всей дальнейшей истории христианской духовности.

* Послание IV.

Далее, в контраст к Житию и жизнеописаниям Пахомия, где имя Иисуса всегда сопровождается титулом *Христос*, в посланиях оно довольно часто встречается в изолированном употреблении. Чтобы не делать слишком далеких выводов из факта умолчания, отметим, что пустыня, если память мне не изменяет, вообще не упоминается ни разу, а Крест – только дважды, в повторяющейся цитате из Послания Филиппийцам.

Цитирование Священного Писания в посланиях вполне отвечает тому, чего мы могли бы ожидать от человека, который всем своим знанием Священного Писания обязан исключительно внимательному слуху: разнообразные отголоски, разрозненные цитаты и, главным образом, несколько излюбленных, вновь и вновь повторяющихся стихов: Ис. 53: 5, Рим. 8: 15–18, 32 и Флп. 2: 6–11. Цитаты из Евангелий, по

существо, немногочисленны. Не заметно никаких следов знакомства с апокалиптической или другой апокрифической литературой, как это обнаруживается в посланиях ученика и последователя Антония, аввы Аммона.

Ведущая тема всех посланий – постоянство дела спасения, которое совершает Бог: «Не один только раз посетил Бог Свои создания». Первый раз Он посетил их Законом Своего Завета, вложенным в человека: Авраам приводится как образец такого посещения. Когда же этот насажденный в сердце закон иссох, Господь послал Моисея, чтобы дать нам писанный Закон; и Моисей «заложил для нас основание Дома Истины, который есть Вселенская Церковь». (Это чувство единства Церкви Ветхого и Нового Заветов проявляется и в обычном для Антония обращении к своим братьям как к «святым чадам Израиля по умной их сущности – поега

ousia», – практика, которую подтверждает и первое Житие Пахомия, где вспоминается, как Антоний говорил о Орсисии как об «истинном Израиле» и о насельниках Табениссы как о «чадах израильских»*. Моисей не завершил строительства. Пророки, в свою очередь, стали строить на его основании, но и они не могли завершить здания; они познали, что никакое творение не в силах исцелить великую рану человечества, и молили Бога, чтобы Он послал Свою милость, Единородного Сына, Саму Премудрость Отца и Образ Его, Того, кто, «будучи Богом... принял образ раба, и был послушен даже до смерти, и смерти крестной» (см. Флп. 2; 6-8). Господь «не пощадил Сына Своего Единородного ради нашего спасения, но отдал Его за нас и за наши прегрешения. И Он уничижил Себя, и ранами

* Vita prima 120.

Его все мы исцелились. И словом силы Своей Он собрал нас со всех концов мира... и воздвиг сердца наши от земли и научил нас, что все мы члены друг другу»*.

Параллельно этому – различие трех родов призвания в первом послании: первый род призванных – это те, кто, подобно Аврааму, услышал зов «по закону любви, который в их природе и который изначально Благо насадило в них при первом творении», и без промедления последовали ему; Кассиан в самом Антонии справедливо видит образец такого рода призвания**. Второй род – это те, кто слышали предостережения и обещания писаного, Моисеева, Закона; третьи – закосневшие грешники, которым Господь по милости Своей посылает «очищение

* Послание III.

** Coll. III, 4.

скорбей, пока они не умягчатся и не придут в чувство, и покаются... и они также достигнут истинной жизни».

За двумя этими темами следует изложение того, как Дух Покаяния ведет человека на его пути к праведности, которая сама по себе еще не есть совершенство: учит различению, без которого все подвижнические труды окажутся напрасны; познанию себя, которое несет с собой знание Бога (лишенность этого знания и делает Ария извергнутым); и в конце концов приводит к усыновлению, когда Христос скажет Своим ученикам: «Я уже не называю вас рабами, но братьями Моими и друзьями, ибо все, чему Отец научил Меня, Я открыл вам». Так человек обретает свободу Пришествием Христовым и «не получает духа рабства, опять в страх, но Духа Усыновления, Которым мы взываем: “Авва, Отче!” –

и становимся наследниками Божиими и сонаследниками Святых Его.*

При всем этом никак не исчезает и не должна исчезнуть память о Суде Божиим и о падшем состоянии мира. И сам Антоний – все еще не более чем «убогий узник Христов», но, поскольку он вполне уверен в «собственной безнадежности», здесь не кажется неуместным привести слова из «Поединка Иакова» Чарлза Весли**. Он может сказать те свои слова, которые внесены в “Апофтегмата”: «Я больше не боюсь Бога: я люблю Его. Ибо совершенная любовь изгоняет страх»***.

Дервас Дж. Читти

* Послание II . Ср.: Ин.15;15, Рим. 8;15.

** Charles Wesley, Wrestling Jacob.

*** Апофтегмата в алфавитном порядке. Альфа. Авва Антоний 32 (PG LXV, 85C).

ПОСЛАНИЕ
АНТОНИЯ, ОТШЕЛЬНИКА
И ГЛАВЫ ОТШЕЛЬНИКОВ,
БРАТИЯМ, ОБИТАЮЩИМ
ПОВСЮДУ

I

Прежде всего – мир – любви вашей
о Господе!

Я думаю, братия, что души, которые
влекутся к любви Божией, бывают трех
родов, мужчины это или женщины.

Есть такие, кто призван законом
любви, который в их природе и который
изначальное Благо насадило в них при
первом творении. Слово Божие пришло
к ним, и они без малейшего сомнения
последовали за ним с готовностью, как
праотец Авраам, – ибо когда Господь

увидел, что не по научению от людей он научился любить Бога, но по закону, вложенному в природу его с самого зачатия, Господь явился ему и сказал: *Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего в землю, которую Я укажу тебе* (Быт. 12: 1)*. И тот пошел, не усомнясь и не помедлив, но готовый к своему призванию. Он – образец того расположения духа, которое и доныне пребывает во всех, кто идет по его стопам. Трудясь и ища страха Божия в терпении и тишине, они достигают истинного рода жизни, поскольку души их готовы следовать за любовью Божией. Это первый род призвания.

Второе призвание таково. Есть люди, которые слышат писанный Закон, сви-

* Ссылки на книги Св. Писания даются по славянскому переводу. Часто цитирование в Посланиях свободное, и в таких случаях мы следуем за оригиналом. – *Прим. пер.*

детельствующий им о муках и страданиях, уготованных для нечестивых, и об обетованиях для тех, кто ходит достойно в страхе Божиим; и свидетельство писаного Закона побуждает мысль их искать, каким образом возможно войти в призвание, как об этом свидетельствует Давид, говоря: *Закон Господень непорочен, обращая души: свидетельство Господне верно, умудряющее младенцы* (Пс. 18: 8). И в другом месте: *Явление словес Твоих просвещает и вразумляет младенцы* (Пс. 118: 130); и многое еще, чего мы здесь не можем привести.

Третье призвание таково. Есть души, которые вначале были жестокосердны и закоснели в делах греха; и вот, Всеблагой Бог по милости Своей посылает таким душам очищение скорбей, пока они не умягчатся и не придут в чувство, и обратятся, и приблизятся, и вой-

дут в знание, и покаются от всего сердца, и они тоже обретут истинный образ жизни, как и те, другие, о ком мы уже сказали.

Вот три расположения, которыми души приходят к покаянию, пока они не достигнут благодати и призвания Сына Божия.

Итак, относительно тех, кто вошли в покаяние всем сердцем и сделались вопреки всем досаждениям плоти мужественными воителями в битве, которая поднимается против них, пока не одолеют, — я думаю, прежде всего, Дух призывает их и облегчает им битву, и услаждает для них покаяние, показывая им, как им подобает каяться в душе и теле, пока не научит, как обратиться к Господу, сотворившему их. И Он сообщает им дела, которыми они могли бы утеснять душу и тело, чтобы и душа, и тело очистились и вместе вошли в свое наследство.

Вначале тело очищается многим пощением, бдением и молитвами, и служением, которое укрепляет человека телесно, отсекая всякую плотскую похоть. И дух покаяния становится руководителем его в этих вещах и испытывает его ими, чтобы враг не смог вернуться назад.

Затем Дух-водитель начинает открывать очи его души, чтобы и ей подать покаяние, и тем самым она бы очистилась. Ум начинает различать между телом и душой и начинает учиться у Духа, как очистить и тело, и душу покаянием. И наученный Духом ум становится нашим проводником в трудах души и тела, указывая, как очистить их. И он отделяет нас от плодов плоти, которые смешались с каждым членом тела нашего с первого прегрешения, и приводит все члены тела к их первоначальному состоянию, которое не имело ничего от нечистого

духа. И тело приводится в подчинение уму, поучаясь у Духа. Апостол Павел говорит: *Но умерщвляю тело мое и порабощаю* (1 Кор. 9: 27). Ибо ум очищает его от еды и сна, одним словом, от всех его движений, и собственной чистотой очищает он тело даже от естественного извержения семени.

И есть, я думаю, три рода движений в теле. Есть движение, вложенное в тело природой, насажденное в нем при первом творении; однако оно не действительно, если душа того не хочет, и обнаруживает свое присутствие в теле безстрастно. И есть другое движение, когда человек насыщает тело пищей и питьем, и жар крови от преизбытка насыщения поднимает брань в теле, по причине нашей алчности. Потому апостол и сказал: *И не упивайтесь вином, в немже есть блуд* (Еф. 5: 18). И Господь предупреждал учеников Своих: *Смотрите же за собою,*

чтобы сердца ваши не отягощались объядением и пианством (Лк. 21: 34) или услаждениями. В особенности же те, кто ищет достичь меры чистоты, должны повторять: *Но умерщвляю тело мое и порабощаю* (1 Кор. 9: 27). И есть третье движение, происходящее от злых духов, которые искушают нас из зависти и стараются сбить с пути всех, кто встал на путь чистоты.

Так вот, возлюбленные мои дети, в трех этих родах движения, если душа не дает себе послабления и упорствует в свидетельстве, которое Дух рождает в уме, тогда и душа, и тело очищаются от немощи такого рода. Но если в отношении трех этих движений ум пренебрегает свидетельством, которое Дух вынашивает в нем, злые духи берут над ним верх, и сеют в теле все страсти, и возбуждают, и поднимают сильную брань против него; так что душа становится усталой и недужной, и плачет

и ищет, откуда бы пришла ей помощь, и кается, и подчиняется велениям Духа, и исцеляется. Затем утверждает она в том, чтобы покой свой положить в Господе и что Он – ее мир.

Все эти вещи я сказал вам, возлюбленные, чтобы знали вы, как требуется от человека приносить покаяние в теле и в душе и очищать их, и тело и душу. И если ум одолеет в этом состязании, он будет молиться в Духе и начнет изгонять из тела душевные страсти, которые вошли в него по его собственной воле. И тогда Дух устанавливает с умом дружеское сотрудничество, поскольку ум хранит повеления, которые Дух сообщил ему. И Дух научает ум, как врачевать все душевные раны и очищаться от всего того, что смешано с членами тела его, и от других страстей, которые хотя и не в теле, но смешались с его волей. И для глаз устанавливает он правило, чтобы они видели верно и чисто

и чтобы не было в них греха. Затем устанавливает он правило для ушей, чтобы они слушали в мире и больше не имели бы жажды или желания слушать о дурном или же о падениях и унижениях человеческих, но радовались бы слушанию о добром и о том, каким образом каждый человек может стоять твердо, и о том, какая милость явлена всему творению, которое некогда было недужным в этих членах.

Затем Дух учит чистоте язык, поскольку язык был поражен тяжелым недугом; тот недуг, поразивший душу, выходил наружу в словах посредством языка, который душа употребляла как свое орудие, и таким образом поразила его тяжким недугом и язвой, и сама этим орудием – языком – была уязвлена. Апостол Иаков свидетельствует и говорит нам: *Если кто из вас думает, что он благочестив, и не обуздывает своего языка, но обольщает свое*

сердце, у того пустое благочестие (Иак. 1: 26). И в другом месте он говорит: «Язык – небольшой член, но оскверняет все тело» (Иак. 3: 5), – и много еще, чего теперь я не могу привести вам. Но если ум укрепляется крепостью, полученной от Духа, он очищается и освящается, и учится различать слова, которые приходят на язык, чтобы в них не было пристрастия и самоволия, и таким образом исполнилось бы слово Соломоново: «Слова мои исходят от Господа, и нет в них суеты и лукавства» (Притч. 8: 8). И в другом месте он говорит: *Язык мудрых врачует* (Притч. 12: 18), и много еще.

И затем Дух исцеляет движения рук, которые некогда двигались беспорядочно, следуя произволу ума. Но теперь Дух поучает ум, как очистить их, чтобы они трудились, творя милостыню и молитву, и исполнилось бы слово о них, гласящее: «Пусть воздеяние

рук моих будет жертвой вечерней» (Пс. 140: 2), и в другом месте: *Рука прилежных обогащает* (Притч. 10: 4).

После этого Дух очищает чрево, как оно ест и пьет; ибо пока душевные желания действительны в нем, оно не знает насыщения в своем алчном желании пищи и питья, и через это бесы совершают свои нападения на душу. Об этом Дух сказал через Давида: *Гордым оком, и несатым сердцем, с сим не ядях* (Пс. 100: 5). И тем, кто ищет в этом чистоты, Дух предписывает установления: вкушать в меру потребного для укрепления тела, но, делая это, не иметь вкуса похоти, и тем исполнить сказанное Павлом: *Итак, едите ли, пьете ли... все делайте во славу Божию* (1 Кор. 10: 31).

Затем в отношении плотского вожделения, которое располагается ниже чрева, ум получает поучение Духа и различает три рода движений, о которых

мы говорили выше, и упорствует в их очищении, и Дух помогает и укрепляет его; и все эти движения укрощаются силой Духа, который устанавливает мир во всем теле и отсекает от него все страсти. Об этом говорит апостол Павел: *Умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть* (Кол. 3: 5) и прочее.

И после того и ногам подает Он очищение. Некогда они ступали не право, не в согласии с Богом; но теперь ум, собранный под властью Духа, очищает их, чтобы они ступали по Его воле, ходя и служа в добрых делах, так чтобы и все тело изменилось и обновилось и было в послушании Духу. И думаю я, что когда все тело очистилось и приняло полноту Духа, оно обрело некую часть того духовного тела, которое получит в воскресении праведников.

Все это сказал я вам о том, что касается недугов души, которые при-

мешаны к членам телесной природы, в которых душа движется и действует; и таким путем она, душа, делается проводником для злых духов, которые через нее входят и действуют в членах тела. Но я говорил, что у души есть еще и недуги нетелесные; теперь покажем их. Гордость – недуг души нетелесный, а также тщеславие, зависть, ненависть, нетерпение, леность и другое. Но если душа предаст себя Господу от всего сердца, Господь помилует ее и подаст ей дух покаяния, который будет свидетельствовать ей о каждом грехе, и больше они не приблизятся к ней; и Он покажет ей тех, кто восстают на нее и хотят не дать ей отделиться от них, ведя тяжкую битву, чтобы не могла она пребывать в покаянии. Но если она выстоит и будет послушна Духу, поучающему ее покаянию, Творец не помедлит снизойти к ее изнеможению в покаянии и, видя ее в телесных

трудах, многих молениях, и постах, и сокрушении, и в поучении словам Божиим, в отречении от мира, в смирении и слезах, и упорствовании в сокрушении, – тогда милосердный Бог, видя труды ее и послушание, смилуется над ней и спасет ее.

Конец послания, которое святой Антоний шлет братьям.

II

Дорогие и досточтимые мои братья, я, Антоний, приветствую вас о Господе.

Воистину, возлюбленные мои о Господе, не один только раз посетил Бог Свои творения; но от сложения мира, когда кто бы то ни было шел к Создателю всех, ведомый Законом Его завета, который вложен в нас, Бог Сам – с каждым из них щедротами Своими и благодатью Своего Духа. Что же до таких разумных тварей, в чьей природе этот

завет охладел и проницательность ума умерла, так что они больше не способны знать себя самих по своему первому состоянию, про таких я скажу, что они сделались окончательно неразумными и поклонились твари, а не Творцу. Но Творец всяческих в великой Своей щедрости посещал нас через этот насажденный в нас Закон Своего завета. Ибо Он – сущность безсмертная. И те, кто стали достойными Бога и возрастали в насажденном в них завете Его, и были учимы Духом Его Святым, и обрели Дух Усыновления, – все они смогли поклониться Творцу своему, как подобает: это те, о ком говорит Павел, что они *не прияша обетования* ввиду замысла о нас (Евр. 11: 39).

И Творец всяческих, Который не раскаивается в Своей любви, желая посетить нашу немощь и смущение, воздвиг Моисея Законодавца, который дал нам писанный Закон и заложил для

нас основание Дома Истины, который есть Вселенская Церковь, соединяющая нас в Боге, ибо Он желает, чтобы мы могли возвратиться к нашему первому началу. Моисей созидал дом, но не завершил его, оставил и ушел. Затем Господь Духом Своим воздвиг хор пророков. И они строили на основании Моисеевом, но не могли завершить дома, и тоже оставили его, и ушли. И все они, будучи облеченными Духом, видели, что рана неисцелима и что никакое творение не в силах у врачевать ее, но, единственно, — Сын Единородный, сама Премудрость Отчая и Образ Его, Который по Своему образу сотворил всякую разумную тварь. Ибо они познали, что Спаситель — это великий Врач, и они собрались вместе, и стали молиться за члены свои, то есть за нас, восклицая и говоря: «Или нет бальзама в Галааде; или нет там врача; чего ради нет исцеления раны дочери наро-

да моего?» (см. Иер. 8: 22). «Врачевали, но не исцелилась; оставим же и пойдём каждый в землю свою» (Иер. 51: 9).

Но Господь в Своей изобильной и необманной любви пришел к нам, говоря через святых Своих: «Сыне человеческий, сотвори себе сосуды пленнические» (Иез. 12: 3). «И Он, будучи образом Божиим, не восхищением почитал быть равным Богу, но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, и стал послушен даже до смерти, и смерти крестной: посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос во славу Бога Отца» (Флп. 2: 6–11). И теперь, возлюбленные, пусть слово это будет внятно вам, что щедрость Отца не пощадила Единородного Своего ради нас, но Он

предал Его «за спасение всех нас» (Рим. 8: 32), «Он отдал Себя Самого за грехи наши» (Гал. 1: 4), и наши беззакония уничижили Его, и ранами Его мы исцелились (Ис. 53: 5), и словом силы Своей Он собрал нас из всех стран, от конца земли до другого конца, и совершил воскрешение ума нашего, и отпущение грехов наших и научил нас, что мы члены друг другу.

Молю вас, братья, разумейте это великое промышление, что Он стал искушен, подобно нам, во всем, кроме греха (Евр. 4: 15). И каждое из разумных созданий, ради которых по преимуществу и пришел Спаситель, должно исследовать Его образец и познать собственный ум, и различать хорошее и дурное, чтобы стать свободным через Его пришествие. Ибо все, получившие освобождение по Его Промыслу, называются рабами Божиими. И в том еще нет совершенства, но для своего времени

это праведность, и она ведет к усыновлению. И Спаситель наш Иисус познал, что они приблизились к тому, чтобы принять Духа Усыновления, и что они познали Его, наученные Святым Духом. Он сказал им: «Я уже не называю вас рабами, но братьями и друзьями: потому что все, чему Отец научил меня, Я открыл вам и научил вас» (Ин. 15: 15). Потому, обретя в уме дерзновение, поскольку они познали себя и свою умную сущность, апостолы возвысили голос и сказали: «Если мы и знали Тебя по плоти, то ныне уже не знаем Тебя так» (2 Кор. 5: 16). И они приняли Духа Усыновления, и воскликнули, говоря: «Мы приняли не духа рабства опять в страх, но приняли Духа сыноположения, Которым взываем: Авва Отче!» (Рим. 8: 15). Отныне, Боже, мы знаем, что Ты даровал нам, – что мы – дети... и наследники Божию, сонаследники же Христу (Рим. 8: 17).

Но пусть слово это будет внятно в вас, возлюбленные. Если кто-либо не приготовит собственного исправления и не потрудится изо всех своих сил, пусть такой знает, что для него пришествие Спасителя будет в суд. Ибо для одних это вкушение смертоносное к смерти, для других – вкушение живительное к жизни (2 Кор. 2: 16). Ибо Он *лежит на падение и востание многим в Израили, и в знамение пререкаемо* (Лк. 2: 34). Умоляю вас, возлюбленные, именем Иисуса Христа: не пренебрегайте своим спасением, но пусть каждый из вас разрывает сердце свое, а не одежды свои (Иоил. 2: 13), опасаясь, как бы не носить нам это монашеское платье напрасно и приготовить себе суд. Ибо вот, уже теперь близко время, когда дела каждого из нас будут испытаны. О том, что я говорю, многое еще можно было бы написать вам. Но сказано: *Дай наставление мудрому, и он будет*

еще мудрее (Притч. 9: 9). Приветствую вас всех, от малого до великого. И Бог мира да хранит вас всех, возлюбленные. Аминь.

III

Человек разумный, который приготовил себя к освобождению пришествием Иисуса, знает себя самого в своей умной сущности. Ибо тот, кто знает себя, знает и промысления Творца, и все, что творит Он со Своими созданиями. Сердечно, возлюбленные о Господе сочлены наши и сонаследники святых, умоляю вас именем Христа Иисуса, да дастся вам от Господа дух различения, чтобы ощутить и знать, как велика любовь, которую я имею к вам: не телесная любовь, но любовь духовная, любовь веры. Что касается до ваших телесных имен, нет нужды писать их вам, потому что это имена преходящие. Если человек знает свое истинное имя,

он увидит и имя истины. Потому, пока Иаков боролся ночь напролет с Ангелом, имя его еще оставалось Иаков, но когда настало утро, имя ему было дано Израиль, что значит «ум, видящий Бога» (Быт. 32: 24–30).

Я полагаю, вам не неведомо, что враги добродетелей непрестанно строят козни против истины. И потому не единственный раз посетил Господь Свои создания, но изначально были такие люди, которые готовы были идти к своему Творцу, влекомые Законом Его Завета, который насажден в них и который учил их поклоняться Творцу как подобает. Но по причине распространения немощи, из-за тяжести плоти и дурных попечений, насажденный в человеке закон засох и душевные чувства ослабли, так что люди не могли уже обрести себя такими, каковы они по истине согласно своему созданию, то есть свою бессмертную сущ-

ность, которая не должна распасться вместе с телом; и потому сущность их не могла быть освобождена своей собственной праведностью. По этой причине Господь поступил с ними по Своей щедрости, дав им писанный Закон, чтобы научить их поклоняться Отцу как должно. Бог Един, или скажем так: Единство Умной Сущности. Вам следует понимать, возлюбленные, что во всяком месте, где нет согласия, люди навлекают на себя войны и возбуждают судебные тяжбы между собой.

И Творец увидел, что рана их стала слишком тяжела и нуждается в действии врача. И Христос – Сам их Творец, и Он Сам врачует их, – и Он посылает предтеч Своих перед лицом Своим. Мы не побоимся сказать о Моисее Законодателе, что и он – один из Его предтеч, и что тот же Дух, который был с Моисеем, действовал и в хоре святых, и все они молили

о Единородном Сыне Божиим. И Иоанн был из тех, кто шел перед Ним; по этой причине Закон и пророки были вплоть до Иоанна, потому *Царствие Божие с нуждой восприимлетя, и нуждницы восхищают е* (Мф. 11: 12–13). И будучи облаченными Духом, они видели, что ни одно из созданий не в силах исцелить ту великую рану, но единственно – щедрость Божия, иначе сказать – Сын Его Единородный, Которого Он послал во спасение миру; ибо Он – тот великий Врач, Который в силах исцелить эту рану. И они просили Бога, и Отец творений по щедрости Своей Сына Своего Единородного не пощадил ради нашего спасения, но предал Его за всех нас и за наши беззакония (Рим. 8: 32). И Он уничижил Себя, и *ранами Его мы исцелились* (Ис. 53: 5). И словом силы Своей Он собрал нас из всех стран, от конца мира до другого конца, и воздвиг сердца

наши от земли, и научил нас, что мы — члены друг другу.

Умоляю вас, возлюбленные мои о Господе: разумеите, что Писание есть наказ Господа. Ибо великая вещь для нас в том, чтобы понимать тот образ, который Иисус принял ради нас, ибо Он стал *искушен*, подобно нам, во всем, *кроме греха* (Евр. 4: 15). И потому справедливо, чтобы и мы освободились Его пришествием, ибо безумием Своим Он умудрил нас, и нищетой Своей обогатил нас, и немощью Своей укрепил нас, и всем нам усвоил воскресение, сокрушив того, кто имел *державу смерти* (Евр. 2: 14). И следует нам также прекратить просить Иисуса о наших телесных нуждах. Пришествие Иисуса помогает нам делать то, что благо, пока мы не сокрушим все наши пороки. И тогда Иисус скажет нам: *Я уже не называю вас рабами... но... друзьями* (Ин. 15: 15). И апостолы, когда достигли

того, чтобы принять Духа Усыновления, то научились от Духа Святаго поклоняться Отцу как должно.

Мне, бедному узнику Иисуса, время сие, к которому мы пришли, принесло радость, и скорбь, и рыдание. Ибо многие в нашем поколении облачились в одежду веры, но от силы ее отреклись. А о тех, кто приготовил себя к освобождению пришествием Иисусовым, — о тех я радуюсь. Но о тех, кто совершает свои дела будто во имя Иисуса, но при этом творит волю своего сердца и своей плоти, — о тех я скорблю. И о тех, кто увидел, как время долго, и сердце их изнемогло в них, и они сняли с себя платье веры, и стали как дикие звери, — о них я рыдаю. Знайте же, что для таких пришествие Иисуса обращается великим Судом. Но вы, возлюбленные, знайте себя, чтобы знать и время свое, и готовьтесь принести себя самих в жертву, угодную Богу.

Истинно, возлюбленные мои о Господе, – ибо я пишу вам, как людям разумным, которые могут знать себя, – вам известно, что тот, кто знает себя, знает Бога; а тот, кто знает Бога, знает и благодеяния, которые Он творит созданиям Своим. Пусть слово это будет внятным вам, что не плотская это любовь, которую я имею к вам, но духовная любовь веры, ибо Бог прославляется в соборе святых Своих (Пс. 88: 8). Готовьте себя, ибо у вас есть заступники в молитве Богу о вашем спасении, чтобы низвел Он в ваше сердце тот огонь, который Иисус пришел низвести на землю (Лк. 12: 49), и вы могли бы упражнять сердца ваши и чувства, чтобы знать, как различать добро от зла, правое от левого, действительное от ложного. Иисус знал, что диавол берет свою силу в вещах мира сего, и Он созвал учеников Своих и сказал им: *Не собирайте себе сокровищ на*

земле, и: *Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам позаботится о себе* (Мф. 6: 19; 6: 34). Истинно, возлюбленные мои, вы знаете: когда ветер благоприятствует, кормщик прохлаждается; но при встречном и бурном ветре – вот когда узнается цена кормчего. Так знайте же, какого рода время, к которому мы пришли.

Обо всем, что касается слова свободы, многое еще можно было бы сказать еще. Но *дай наставление мудрому, и он будет еще мудрее* (Притч. 9: 9). Я приветствую вас, от малого до великого, в Господе. Аминь.

IV

Антоний всем дорогим братьям своим: радуйтесь о Господе! Члены Церкви, никогда не устану я помнить вас. Хочу я, чтобы вы знали, что любовь моя к вам – не телесная любовь, но любовь духовная, любовь веры. Ибо

телесная дружба не имеет в себе твердости и постоянства, и чуждые ветры колеблют ее. Всякий, кто боится Бога и хранит заповеди Его, – раб Божий. И в служении том нет совершенства, но только справедливость, которая ведет к усыновлению. По этой причине пророки и апостолы, и все святые, которых Бог избрал, доверив им апостольскую проповедь, милостью Бога Отца сделались пленниками во Христе Иисусе. Ибо апостол Павел говорит: *Павел, раб Иисуса Христа, призванный апостол* (см. Еф. 3: 1; Рим. 1: 1), – поэтому писанный Закон действует в нас в некоем благом рабстве, пока мы не покорим себе всякую страсть и не достигнем совершенства в служении добродетели через это апостольское призвание.

Ибо если человек приближается к благодати, тогда Иисус скажет ему: «Я уже не называю вас рабами, но Я назову вас друзьями Моими и братьями»

Моими, потому что Я открыл вам все, что слышал от Отца Моего» (Ин. 15: 15). Ибо те, кто приблизились и научены Духом Святым, познали себя самих по своей умной сущности. И в том познании себя они воскликнули и сказали: «Потому что мы не приняли духа рабства опять в страх, но приняли Духа сыноположения, Которым взываем: Авва, Отче!» (Рим. 8: 15), – мы можем знать, что Господь даровал нам: если мы – *дети... и наследники Божию, сонаследники же Христу* (Рим. 8: 17).

Дорогие братья мои и сонаследники святым, всякие добродетели не чужды вам, но все они – ваши, если вы не под грехом в этой плотской жизни, но открыты пред Богом. Ибо Дух не войдет в душу того, чье сердце осквернено, и в тело, которое грешит. Он – святая сила, непричастная никакой лжи. Истинно, возлюбленные мои, пишу вам, как людям разумным, которые мо-

гут знать себя. Ибо тот, кто знает себя, знает Бога, а тот, кто знает Бога, достоин служить Ему как подобает. Возлюбленные мои о Господе, найдите себя. Ибо те, кто знают себя, знают и свое время, а кто знает свое время, тот в силах стоять твердо и не колебаться от чуждых языков. Ибо касательно Ария, который восстал в Александрии и изрек нелепые слова о Единородном, приписывая начало Безначальному и конец Тому, Кто неизъясним среди людей, и движение Тому, Кто недвижим, — скажу, что если человек согрешит против человека, то помолятся о нем Богу; если же человек согрешит против Господа, то кто будет тогда заступником о нем? (1 Цар. 2: 25). Человек этот возложил на себя тяжкое дело и неисцелимую язву. Ибо если бы такой знал себя, язык его не высказал бы того, о чем он не имеет знания. Но ясно видно, что не знал он себя.

Антоний пишет дорогим своим детям, святому Израилю по умному их существу. Нет нужды называть ваши телесные имена, которые преходят, ибо вы – чада Израиля. Истинно, дети мои, любовь, которую я имею к вам, не плотская любовь, но любовь духовная, любовь веры. И потому я не устаю молить Бога моего о вас, чтобы дано вам было знать ту милость, которую Он сотворил вам. Ибо не единственный раз посетил Господь Свои создания, но от сложения мира Он промышляет о Своих созданиях, и в каждом поколении Он пробуждает каждого благоприятными обстоятельствами и благодатью. Итак, дети мои, не пренебрегайте взывать к Господу день и ночь, понуждая щедрость Отчую, и щедростью Своей Он пошлет вам помощь с Небес, поучая вас, пока вы не узнаете, что для вас благо.

Поистине, дети мои, мы – обитатели смерти нашей и постояльцы в доме разбойника, и закованы в оковы смерти. И потому не давайте сна очам вашим, ни веждам вашим дремоты (Пс. 131: 4), чтобы принести себя в жертву Богу во всей святости, которой никто не может наследовать без освящения. Воистину, возлюбленные мои о Господе, пусть слово это будет внятно у вас: делайте доброе, и так вы утешите всех святых и доставите веселие служению Ангелов и радость пришествию Иисусову, ибо вплоть до этого часа не имели они покоя в попечении о нас. И мне, убогому нищему, обитающему в этом скудельном жилище, и моей душе вы также доставите радость. Истинно, дети мои, наша немощь и унижение, в котором мы пребываем, – горе для всех святых, и они плачут и стенают о нас перед Творцом всех. И по этой причине Господь Вседержитель гневается на наши

дурные дела из-за стенаний святых. И напротив, когда мы совершенствуемся в праведности, то доставляем радость народу святых, и они усердно молятся и ликуют перед нашим Создателем. И Сам Он, Творец всего, радуется нашим делам по свидетельству Своих святых и вознаграждает нас дарами Своей милости сверх всякой меры.

Итак, знайте, что Господь всегда любит Свои создания, – а существо их бессмертно и не должно разрушиться вместе с телом, – и Он видел, как эта умная природа нисходила в бездну вместе с телом, и умирала с ним, и насажденный в человеке Закон завета иссыхал. И по благодати Своей Он посетил род человеческий Моисеем. И Моисей положил основание дома истины, и хотел исцелить великую рану, и хотел вернуть людей к первому единению, и не смог сделать этого, и удалился от них. Тогда хор пророков

стал строить на основании Моисеевом, и они не смогли исцелить великую рану членов своих. И видя, что сила их иссякла, все народы святых вновь собрались воедино и принесли молитву Творцу, и сказали: *разве нет бальзама в Галааде? разве нет там врача? Отчего же нет исцеления дочери народа моего? ...О Господи, врачевали мы Вавилон, но не исцелился; оставьте его, и пойдём каждый в свою землю* (Иер. 8: 22; 51: 9).

И поскольку все святые просили благодать Отца, то есть Сына Его Единородного, потому что если бы Он Сам не сошел с Небес, никто из творений не смог бы исцелить ту великую рану человеческую, потому Отец в благодати Своей изрек и сказал: *Сын человеческий, изготвь себе сосуды пленнические и уходи в пленение* (см. Иез. 12: 3; Иер. 46: 19). И Отец Сына Своего Единородного не пощадил ради спасения всех нас,

но предал Его за наши грехи (Рим. 8: 32). Ибо наши беззакония уничижили Его, и ранами Его мы все исцелились (Ис. 53: 5) и Он собрал нас со всех концов земли, воскресив умы наши от земли и уча нас, *что мы члены друг другу* (Еф. 4: 25). Берегитесь же, дети мои, чтобы не исполнилось на нас слово Павла, и не стали бы имеющими *образ благочестия, силы же его отвергшиися* (2 Тим. 3: 5). Пускай же каждый из вас разрывает сердце свое, и вопиет перед Ним, и говорит: «Что воздам Господу за все благое, что воздал Он мне?» (Пс. 115: 3). И еще боюсь я, дети мои, как бы не исполнилось на нас слово: *Кая польза в крови моей, внегда сходи-ти ми во истление?* (Пс. 29: 10).

Истинно, дети мои, я говорю с вами, как с мудрыми людьми, способными разуместь то, что я говорю, и вот, свидетельствую вам: если каждый из вас не возненавидит всю природу земного

обладания и не отречется от него и от всех дел его всем сердцем своим, и не прострет руки сердца своего к Небесам, к Отцу всех, – тот не будет спасен. Если же он сделает то, что я сказал, Господь смилуется над ним за труд его и дарует ему тот невидимый огонь, который выжжет в нем все нечистое, и начальный дух наш очистится; и тогда Дух Святой будет обитать в нас, и Иисус будет пребывать с нами, и так мы сможем поклоняться Богу, как нам подобает. Но пока у нас мир со всеми природами мира сего, мы – враги Богу, и Ангелам Его, и всем святым Его.

И потому, возлюбленные мои, умоляю вас именем Господа Иисуса Христа – не пренебрегайте вашим спасением, чтобы это преходящее житие не лишило вас вечной жизни, и кожа тленного тела не отняла у вас Царства несказуемого света, и грешная скамья не заменила вам Ангельских судных

престолов. Истинно, дети мои, сердце мое в изумлении, и дух мой в ужасе, что все мы услаждаемся, как пьяницы при молодом вине, ибо каждый из нас продал себя в рабство по своему свободному произволению, и мы сделались рабами нашего вольного выбора, и не желаем поднять глаз наших к Небесам, чтобы искать славы небесной и дел всех святых, и идти по их стопам.

Поймите же, что все, святые ли Небеса, или Ангелы, или Архангелы, или Престолы, или Власти, или Начала, или Херувимы, или Серафимы, или солнце, или луна, или праотцы, или апостолы, или диавол, или сатана, или злые духи, или силы воздушные, или (не говоря другого) мужской пол, или женский, – в начале творения все произошло из одного – все, кроме всесовершенной и благословенной Троицы, Отца и Сына и Духа Святаго! И из-за дурных действий некоторых

потребовалось, чтобы Бог дал им имена по делам их. А тем, кто больше преуспел, Он даровал славу изобильнее.

VI

Антоний – всем дорогим моим братьям в Арсиное и в ее окрестностях и всем, кто с вами, привет. Все вы, приготовившие себя, чтобы идти к Богу, приветствую вас о Господе, возлюбленные, от малого до великого, мужей и жен, святых чад Израиля по вашему умному существу. Истинно, дети мои, великое благословение пришло к вам, ибо велика милость, сошедшая на вас в вашем поколении. И подобает вам ради Того, Кто посетил вас, не слабеть в вашем рвении, пока вы не принесете себя в жертву Богу во всей святости, без которой никто не может войти в наследство.

Истинно, возлюбленные мои, великое дело для вас, чтобы вы просили

уразуметь ту умную сущность, в которой нет ни мужчины, ни женщины, но которая бессмертна, имея начало, но не имея конца. И следует вам знать, что и она пала в унижение и великий позор, который настиг всех нас; и все же она – бессмертная сущность, которая не должна истлевать вместе с телом. И потому Бог увидел, что рана ее неисцелима. Поскольку была она так тяжела, Он посетил род человеческий в Своем милосердии, и в благости Своей по прошествии времени Он послал им Закон, подав им помощь через Моисея Законодателя. И Моисей заложил для них основание дома Истины и хотел исцелить ту великую рану, и не смог завершить строительство дома.

И вот, хор святых снова собрался и стал молить милость Отца о нашем Спасителе, чтобы Он пришел к нам во спасение всех нас. Ибо Он – наш великий и верный Первосвященник и ис-

тинный Врач, в Чьих силах исцелить эту великую рану. Итак, по воле Отца Он истощил Себя от Своей славы. Он был Богом и принял образ раба (Флп. 2: 7–8), и предал Себя Самого за грехи наши, и беззакония наши уничтожили Его, и раной Его мы все исцелились (Ис. 53: 5). Итак, дорогие мои дети о Господе, хочу, чтобы вы знали, что по причине нашего безумия принял Он образ безумия, и по причине нашей немощи – образ немощи, и по причине нашей нищеты – образ нищеты, и по причине нашей смерти принял Он образ смертного, и во всем этом пребывал ради нас. Истинно, возлюбленные мои о Господе, не подобает нам давать сна очам нашим и веждам нашим дремания (Пс. 131: 4), но будем молиться и понуждать благость Отца, пока Он не смиляется над нами; и таким образом мы принесем утешение приходу Иисусову, и силу служению святых, которые

трудятся за нас на земле во время нашего небрежения, и возбудим их к ревности, чтобы они помогли нам во время нашей скорби. Так что и сеющий и жнущий вместе радоваться будут (Ин. 4: 36).

Я хочу, чтобы вы знали, дети мои, великое горе, каким я горюю о вас, когда я вижу, какое великое смущение идет к нам, и помышляю о великом труде святых и о стенаниях их, которые они всегда изливают пред Богом о нас, поскольку видят они весь труд своего Создателя, и все злые замыслы диавола и слуг его, и все то зло, которое они всегда замышляют нам на погибель, ибо их удел – быть в аду, и потому они хотят, чтобы и мы пропали вместе с ними, и были с множеством. Истинно, возлюбленные мои о Господе, я говорю с вами, как с мудрыми людьми, и вы можете знать все благодеяния нашего Создателя, совершенные для нас,

которые дарованы нам по явному или тайному прошению. Ибо мы именовались разумными, но облеклись в ум неразумных тварей. Не известно ли вам, каковы козни и хитрости диавола?— Злые духи завидуют нам; как только они проведают, что мы попытались увидеть собственный позор и отыскали путь, каким сбежать от них и от дел их, которые они творят с нами вместе, и что мы не только пытаемся отвергнуть их лукавые советы, которые они сеют в нас, но что многие из нас смеются над их кознями, то они познают снисхождение нашего Творца, что Он в мире сем приговорил их к смерти и приготовил им в наследство геенну за их небрежение.

Я хочу, чтобы вы знали, дети мои, что я не перестаю молить Бога о вас день и ночь, чтобы открыл Он вам очи сердца вашего и вы могли бы видеть множество тайных козней, которые изливают

на нас злые духи ежедневно в эти нынешние дни. Хочу я, чтобы Господь дал вам сердце знающее и дух различения, чтобы вы смогли принести ваши сердца, как жертву чистую пред Отцом, в великой святости без порока. Истинно, дети мои, они непрестанно завидуют нам со своими злыми советами, и тайным гонением, и тонкой злобой, и богохульными помыслами; и свои предательства они сеют в сердце наше каждый день, и свою сердечную косность, и тьму своих печалей, которые они приносят нам ежечасно, и тусклость свою, которой они ежедневно делают тусклыми наши сердца, и весь гнев и взаимные обиды, которым они учат нас, и самооправдание в том, что мы делаем, и осуждение, которое они вносят в наше сердце, понуждая нас, когда мы сидим в одиночестве, осуждать ближних наших, которые и не живут с нами; и презрение, которое они посе-

ляют в нашем сердце гордостью, когда мы жестокосердны и презираем друг друга, огорчая друг друга жестокими словами, жалуясь ежечасно, обвиняя других, а не себя, полагая, что невзгоды наши происходят от ближних, судя и рядя о том, что снаружи, тогда как грабитель наш внутри, в доме нашем; и споры, и раздоры, в которых мы оспариваем друг друга, пока не добьемся своего, чтобы явиться оправданными в глазах других.

Злые духи внушают нам ревность о делах, которые мы не в силах исполнить, и заставляют томиться тем, что нам поручено и что на пользу для нас. Они заставляют нас смеяться, когда время плакать, и плакать, когда время смеяться, и просто сбивают нас постоянно с верного пути в сторону. И есть еще множество других хитростей, которыми они обращают нас в рабство себе, не время теперь все их

описывать. Но когда они наполняют сердце наше всеми этими обманами, и мы кормимся ими, и они становятся нашей пищей, тогда Бог снисходит к нам и посещает нас, чтобы вернуть нас из нашего тяжкого тела и мы смогли покинуть его. И затем злые дела, которые мы в заблуждении нашем совершили, будут явлены нам в теле, подлежащем наказанию; и мы вновь облачимся в это тело – ибо Господь в Своем терпении попускает так, – и будет для нас последнее наше хуже первого (Мф. 12: 45). Потому не уставайте молить благодать Отца, да снизойдет к вам помощь от Него, чтобы вы научились узнавать, что праведно.

Истинно говорю вам, дети мои, сосуд, в котором мы обитаем, – погибель для нас и дом, исполненный войны. По истине, дети мои, говорю вам, что всякий, кто наслаждается по собственной воле, и покоряется собственным по-

мыслам, и принимает то, что сеется в сердце его, и услаждается этим, и полагает в сердце своем, что в том есть некие необычайные избранные тайны, и оправдывает себя в том, что делает, — душа такого человека — логово злых духов, подстрекающих его к злumu, и тело его — сокровище нечестивых тайн, которые оно таит в себе; и велика над ним власть бесов, потому что он не обличил их открыто перед всеми людьми.

Неведомо ли вам, что у них не единственный способ охотиться за нами, который мы могли бы узнать и избежать? Исследуйте, и вы не обнаружите такого, чтобы грех их и беззакония открывались телесным образом, ибо телесно они невидимы; но следует вам знать, что мы-то и служим телами для них, ибо душа наша принимает их мерзость, и затем, приняв ее, она обнаруживает ее посредством тела, в котором мы обитаем. Итак, дети мои, не будем же

предоставлять им места, иначе мы навлечем на себя гнев Божий, а они сбегут к себе домой и посмеются над нами. Ибо они знают, что от ближнего – наша гибель, и жизнь наша – тоже от ближнего. Кто когда-либо видел Бога и усладился Им, и сохранил Его в себе, и не позволил, чтобы Он оставил его, но помогал бы ему, – доколе живет он в этом тяжком теле? Или кто когда видел беса в его битве с нами, чтобы он упреждал и не давал нам совершить доброе дело, и нападал на нас телесным образом, так что мы испугались бы его и сбежали? Ибо они сокрыты, и это мы нашими делами делаем их явными. Ибо все они по своей умной сущности – из одного источника, но когда они бежали от Бога, возникло среди них великое разнообразие, по разнообразию их действий.

И потому были даны им разные имена, по действию каждого из них. Так

что одни зовутся Архангелами, другие – Престолами и Властями, Началами и Херувимами; эти имена даны были им, когда они хранили повеления своего Творца. Других же, избравших дурной путь, пришлось назвать дьяволом и сатаной по их злому состоянию; другие же были названы бесами, и злыми, и нечистыми духами, и духами-соблазнительями и князьями мира сего. И множество видов еще существует среди них. Есть такие, кто и противостоял им в своем тяжком теле, в котором мы живем; иные из них названы праотцами, иные пророками и царями, и жрецами, и судьями, и апостолами, и много было других, избранных за их доброе поведение. И все таковые имена даны им, мужчинам или женщинам, из-за разных начал их деятельности, но все они – из одного источника.

Итак, по этой причине тот, кто грешит против ближнего, грешит против

себя; и тот, кто делает зло ближнему, делает его себе; и тот, кто делает ближнему добро, благоденствует себе. Иначе – кто в силах сделать зло Богу, и найдется ли такой, что мог бы обидеть Его? Или кто мог бы утешить Его, или кто мог бы даже служить Ему? Или кто мог бы даже благословить Его благословением, в котором Он нуждается, или кто в силах почитать Ему почестью, достойной Его, или восхвалить Его по достоинству? Итак, пока мы еще одеты этим тяжким телом, будем пробуждать Бога в себе, оживляя друг друга, и предадим себя самих на смерть ради душ наших и ради друг друга; и если мы так поступим, то в нас будет являться сущность сострадания Его к нам. Не будем самолюбцами, чтобы не подпасть под власть их изменчивой силы. Ибо тот, кто знает себя, знает всех людей, потому и сказано, что Он вызвал все сущее из небытия к бытию (Прем. 1: 14). Это

относится к нашей умной природе, которая скрыта в нашем теле тления, но она не принадлежала ему изначально, и она будет от него освобождена. Но тот, кто может любить себя, любит всех.

Дорогие мои дети, я молю, чтобы это не было тяжким трудом для вас и чтобы вы не уставали любить друг друга. Воздвигните тело ваше, в которое вы облечены, и сделайте его алтарем, и возложите на него все ваши мысли, и оставьте всякий злой совет перед Господом, и возденьте руки сердца вашего к Нему, к творящей Премудрости, и молитесь Богу, чтобы Он ниспослал вам Свой великий невидимый огонь, который сошел бы с Небес и попал на алтарь и все, что на нем, и чтобы все жрецы Ваала, то есть все сопротивные действия врага, устрашились и бежали от лица вашего, как от лица Илии пророка. И затем вы увидите облако над морем, как ладонь человеческую,

которое принесет вам духовный дождь, то есть утешение Духа Утешителя (3 Цар. 18: 38–44).

Дорогие мои дети о Господе, святые чада Израиля, нет нужды благословлять или называть ваши телесные имена, которые прейдут. Ибо вам неизвестна любовь, которая между мной и вами, любовь не телесная, но духовная любовь веры. И потому я уверен, что великое благословение для вас в том, что вы постарались познать свое безчестие и укрепить ту невидимую сущность, которая не прейдет вместе с телом. И потому, думаю, что благодать ваша пришла в свое время. Потому пусть слово это будет внятно вам, чтобы вы не подумали, будто ваш успех и ваш приход к вере были вашим собственным делом, но что всегда помогала вам некая Божественная сила. Стремитесь всегда приносить себя в жертву Богу, и доставлять радость си-

ле, помогающей вам, и утешение Господу в Его пришествии, и всему сонму святых; также и мне, убогому бедняку, обитающему в этом доме скудели и тьмы. Потому я и говорю вам все это, утешая вас и моля, что, поскольку все мы сотворены из единой невидимой сущности, которая имеет начало, но не имеет конца, мы любили бы друг друга особенной любовью. Ибо все, кто знают себя, знают, что они – от единой бессмертной сущности.

Я хочу, чтобы вы знали и то, что Господь наш Иисус Христос есть истинная Премудрость Отца. Через Него вся полнота всякой разумной природы сотворена по образу Его Образа, и Сам Он – Глава всей твари, и тело Его – Церковь (Кол. 1: 15–18). Потому все мы – члены друг другу; и тело Христово, и голова не могут сказать ноге: «Ты мне ненадобна», – но если один член страдает, все тело

затронута и страдает с ним (Еф. 4: 25; 1 Кор. 12: 21, 26–27). Но если какой-то член отчуждается от тела и более не сообщается с головой, но предается услаждениям собственной плоти, это значит, что рана его неисцелима и что забыл он свое начало и свой конец. И потому Отец творений, движимый состраданием к этой нашей ране, которую ничто из творений не могло исцелить, но единственно – милость Отчая, послал нам Сына Своего Единородного, и Он по причине нашего рабства принял на Себя образ раба (Флп. 2: 7), и предал Себя за наши грехи; ибо наше беззаконие уничижило Его, и ранами Его мы исцелились (Ис. 53: 5). И Он собрал нас из всех краев, чтобы воскресить сердца наши от земли, и научить нас, что все мы – от единой сущности и члены друг другу. Потому должны мы всей силой любить друг друга. Ибо тот, кто

любит своего ближнего, любит Бога, а кто любит Бога, любит душу свою.

Пусть будет внятно вам слово это, дорогие мои дети о Господе, святые чада Израиля, и готовьте себя, чтобы прийти к Господу и принести себя в жертву Господу во всей чистоте, которой никто не может обрести без очищения. Или вы не знаете, возлюбленные, что враги праведности всегда замышляют зло против истины? И потому тоже, возлюбленные, будьте внимательны и не давайте сна очам вашим и веждам вашим дремоты (Пс. 131: 4). Взывайте ко Господу денно и нощно, чтобы пришла к вам помощь свыше и направила сердца ваши и мысли во Христе. Истинно, дети мои, мы поселились в доме грабителя и связаны узами смерти. Говорю вам воистину, возлюбленные, что наша беспечность и наше унижение, и наше уклонение с пути – утрата не только для нас, но досада для Ангелов и для

всех святых во Христе Иисусе. Истинно, дети мои, наше унижение доставляет горе всем им; и напротив, наше спасение и слава приносят им радость и утешение. И знайте, что милость Отца не перестает с первого Своего движения даже доныне творить нам добро, чтобы мы сами себе не причинили смерти, употребив во зло свободную волю, с которой мы были сотворены. Потому направляют нас во всякое время, как написано: *Ополчится Ангел Господень окрест боящихся Его и избавит их* (Пс. 33: 8).

Итак, дети мои, я хочу, чтобы вы знали, что с того часа, как движение любви Божией дошло сюда, и доныне все, кто отстранились от праведности и поступали нечестиво, почитаются детьми дьявола; а те, кто от дьявола, знают это, и потому они стараются изменить каждого из нас по своей воле. Ибо, зная, что дьявол пал с Небес по

причине гордыни, прежде всего нападают они на тех, кто достиг высокой меры, гордостью и тщеславием пытаюсь восстановить их друг против друга. Они знают, что таким образом они могут отсечь нас от Бога, потому что им известно, что тот, кто любит своего ближнего, любит Бога; и потому враги праведности сеют раздор в наши сердца, чтобы мы наполнились великой неприязнью друг к другу и не могли бы терпеть никакого общения с нашим ближним даже на расстоянии.

Истинно, дети мои, я хочу, чтобы вы знали, что много таких, кто подвизался в воздержании всю свою жизнь, но недостаток различения убил их. Истинно, дети мои, я полагаю, никакого дива не будет в том, если, став небрежными к себе и не различая собственных дел, вы непременно впадете в руки диавола тогда, когда вы будете полагать, что близки к Богу; и когда

вы ждете света,— тьма обымет вас. Ибо какая нужда была Христу опоясываться полотенцем и умывать ноги тем, кто ниже Его, как если не дать пример, не научить тех, кто обратят к Нему свое первое начало? (Ин. 13: 4–17). Ибо начало их движения — гордыня, которая пришла прежде. И потому, кроме как через великое — от всего сердца и ума, и духа, и души, и тела, смирение, вы не можете наследовать Царства Божия.

Истинно, дети мои о Господе, день и ночь я молю Творца моего, от Кого получил залог Его Духа (2 Кор. 1: 22), чтобы Он открыл глаза сердца вашего, и вы узнали бы мою любовь, которую я к вам имею, и чтобы открыл Он уши души вашей внимать своим смущениям. Ибо тот, кто знает собственный позор, тот и стремится вновь к своей высокой чести; и кто знает свою смерть, знает и свою вечную жизнь. Я говорю с вами как с мудрыми людьми, дети мои; ис-

тинно, я боюсь, как бы голод не одолел вас в пути на том месте, где подобает нам обогатиться. Я надеялся увидеть вас лицом к лицу во плоти. Но ожидаю времени, и оно близко, когда мы сможем лицом к лицу увидеть самую сущность каждого, когда скорбь, и печаль, и воздыхание отлетят, и «Радость будет над главою всех» (Ис. 35: 10). Есть еще много вещей, которые я хотел сказать вам. Но *дай наставление мудрому, и он будет еще мудрее* (Притч. 9: 9). Приветствую всех вас, дорогие дети мои, поименно.

VII

Дети мои, вы знаете благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради нас, *дабы мы обогатились Его нищетой* (2 Кор. 8: 9). Видите, порабощением Его мы освободились, и немощь Его укрепила нас, и безумие Его нас умудрило.

Далее. Смертью Своей Он привел на землю наше воскресение, чтобы мы могли возвысить голос наш к Небесам и сказать: *если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем*, но каждый во Христе *новая тварь* (2 Кор. 5: 16–17). Истинно, возлюбленные мои о Господе, говорю вам о том, что относится к слову свободы, которым мы освободились. Я еще много чего имею сказать вам, но теперь не время говорить вам это. Итак, приветствую вас всех, дорогие мои дети о Господе, святые чада Израиля по вашей умной сущности. Воистину, подобало вам, кого привлекла любовь Творца, искать спасения душ ваших по вложенному в нас Закону завета. Но из-за умножения нечестия, и восстания зла, и ненасытности страстей Закон завета, насажденный в сердце наше, засох, и чувства души нашей погибли, и потому мы уже не в силах были воспринимать ту славную

умную сущность по причине смерти, в которую мы впали. Потому и написано в Божественном Писании: *Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут* (1 Кор. 15: 22). Ныне и впредь Он есть жизнь каждого разумного создания, сотворенного Им по подобию Его образа, Того, Кто Сам – истинная Премудрость Отчая и неизменный Образ Отца (Евр. 1: 3). Но существо творений, созданных по образу Его, непостоянно, ибо зло вошло в нас, и в нем мы умерли, потому что оно враждебно природе нашей умной сущности. Итак, через то, что чуждо природе, мы сделались домом тьмы, исполненным войны. И я свидетельствую вам, что мы утратили наше знание праведности. Потому Бог Отец наш увидел этот недуг, что мы не в силах уже облечься, как подобает, в истину; и потому в благости Своей Он пришел посетить создания Свои в служении святых.

Молю всех вас о Господе, возлюбленные, уразумейте то, что я пишу вам, ибо я люблю вас не телесной любовью, но любовью духовной, любовью веры. Готовьте же себя, чтобы идти к Творцу вашему, раздерите сердца ваши, а не одежды ваши (Иоил. 2: 13) и спрашивайте себя, что можем мы воздать Господу, благодеевшему нам (Пс. 115: 3), Который даже в здешнем нашем жительстве и унижении помянул нас по великой Своей благодати и безконечной Своей любви, а не *по грехом нашим воздал... нам* (Пс. 102: 10); Который и солнцу повелел служить нам в этом нашем доме тьмы, и луну, и все звезды учредил в наше услужение, повелев им покориться суете, которая преходит (Рим. 8: 20), в подкрепление телу нашему. Есть еще и другие силы, таинственные силы, которые Он поставил служить нам, силы, которых мы не видим нашими телесными глазами.

Итак, что же мы ответим Ему в день Суда или какого блага лишил Он нас, какого не сотворил для нас? Не умерли ли пророки ради нас? Не терпели ли апостолы гонения ради нас? Или Сын Его Возлюбленный не умер ли за нас всех? И ныне мы должны приготовить себя, чтобы прийти к Творцу нашему в святости. Ибо Творец увидел, что никакое из Его созданий, ни даже святые, не могли исцелить великую рану в наших членах. Потому, будучи Отцом творениям, Он ведал немощь всего ума их, и сотворил им милость по великой Своей любви, и не пощадил Сына Своего Единородного ради спасения всех нас, но предал Его за грехи наши (Рим. 8: 32). И беззакония наши уничижили Его, и ранами *Его* мы все исцелились (Ис. 53: 5). И Он собрал нас со всех концов земли словом силы Своей, чтобы совершить воскресение ума на-

шего от земли, уча нас, *что мы члены друг другу* (Еф. 4: 25).

Потому надлежит нам, приближаясь к Творцу нашему, упражнять наш ум и чувства, чтобы понимать различие добра и зла и знать все благодеяния Иисуса в Его пришествие, как стал Он, *подобно нам, искушен во всем, кроме греха* (Евр. 4: 15). Но по нашему великому нечестию и восстанию зла, и плачевному нашему непостоянству пришествие Иисуса стало для иных безумием, а для иных – камнем преткновения, но для других – приобретением; для некоторых – премудростью и силой; для некоторых – воскресением и жизнью (1 Кор. 1: 23–24). И да будет вам известно, что пришествие Его стало судом для всего мира, ибо сказано, что наступают дни, говорит Господь, и все сами будут знать Меня, от малого до большого, и уже не будет учить человек другого, и брат брата, и говорить: *«познайте*

Господа», ибо Я сделаю, чтобы имя Мое было слышно во всех концах земли; и потому *заграждаются всякие уста,* и весь мир становится виновен пред Богом, ибо, познав Бога, они не восславили Его как Творца своего (Иер. 31: 34; Рим. 3: 19; 1: 21) по неразумию своему, из-за которого не могли они воспринять Его мудрости, но каждый из нас по собственной воле предал себя злу и стал рабом ему.

И потому Иисус истощил Себя в Славе Своей и принял образ раба (Флп. 2: 7–8), чтобы Его рабство сделало нас свободными. И мы сделались безумны, и в безумии нашем совершили всякое беззаконие; и Он принял образ безумия, чтобы Его безумием мы умудрились. И мы обнищали, но в нищете нашей не осталось никакой праведности; и потому Он принял образ нищеты, чтобы Своей нищетой сделать нас богатыми мудростью и разумением (2 Кор. 8: 9).

И не только. Но принял Он образ нашей немощи, чтобы немощью Своей укрепить нас. И Он стал послушен Отцу во всем *даже до смерти, и смерти крестной* (Флп. 2: 18), так что смертью Своей Он смог совершить воскресение всем нам, сокрушив того, кто обладал *державой смерти, то есть диавола* (Евр. 2: 14). И если поистине мы освободились Его пришествием, подобает нам сделаться учениками Иисуса и в Нем принять Божественное наследство.

Истинно, возлюбленные мои о Господе, я сильно смущаюсь и тревожусь в духе, ибо мы носим одежду и имя святых и гордимся этим перед неверующими. Но боюсь я, как бы не исполнилось на нас слово Павла, гласящее об имеющих вид благочестия, силы же его отвергшихся (2 Тим. 3: 5). И из любви, которой я люблю вас, я молю Бога о вас, чтобы вы не принимали *всую жизнь свою, но приняли в наследство*

вещи невидимые. Истинно, дети мои, если бы мы даже всей силой отдали себя воле Господа, какая нам за то благодарность? Ведь мы ищем собственной награды, мы желаем того, что природно нашей сущности. Ибо каждый, кто ищет Бога или служит Ему, делает то, что природно его сущности. Но каждый грех, в каком мы повинны, чужд и не соприроден нашей сущности.

Истинно, дорогие мои дети о Господе, приготовившие себя, чтобы принести в жертву Богу в святости, мы не скрыли от вас ничего из необходимого, но свидетельствуем вам, что видели, как враги праведности всегда замышляют зло против истины. И об этом также дан был нам совет; о том, что *рожденный по плоти* всегда будет гнать *рожденного по духу* (Гал. 4: 29), и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы (2 Тим. 3: 12). Потому Иисус, зная все

скорби и искушения, которые придут в мире к апостолам, зная и то, что терпением своим они сокрушат всю силу врага, то есть идолопоклонство, утешил их и сказал: *В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир* (Ин. 16: 33). И Он учил их, говоря: «Не бойтесь мира, ибо все страдания в мире ничего не стоят в сравнении с той славой, которая откроется. Если гнали пророков, которые были прежде вас, будут гнать и вас; если они Меня ненавидят, возненавидят и вас. Но не бойтесь, ибо терпение ваше сокрушит всю силу врага» (Рим. 8: 18; Мф. 5: 12; Ин. 15: 20; Лк. 21: 19).

Обо всем, что относится к слову свободы, которым мы стали свободны, я много еще имею сказать вам. Но *дай наставление мудрому, и он будет еще мудрее* (Притч. 9: 9). Мы с вами еще нуждаемся во взаимном утешении в наших убогих словах. Но когда

ум достигает истинного разума, он больше не нуждается в неверной телесной речи. Но я радуюсь обо всех вас, истинных чадах Израиля по вашей умной сущности. Ибо прежде всего разумный человек должен узнать себя самого, а затем узнавать о Боге и обо всех щедротах, какие милость Его оказывает нам; и затем познать, что всякий грех и вина чужды природе нашей умной сущности. Ибо Творец наш, увидев, что по нашему свободному выбору мы приобрели все эти неестественные вещи, в которых мы умираем, и движимый состраданием к нам, по благодати Своей пожелал вернуть нас к тому началу без конца, и посетил создания Свои, не пощадив Себя Самого ради спасения всех нас. Он предал *Себя Самого за грехи наши* (Гал. 1: 4), и наши беззакония уничтожили Его, но *ранами Его мы все исцелились* (Ис. 53: 5). И словом силы

Своей Он собрал нас из всех народов, от конца вселенной до другого конца, и научил нас, что мы – члены друг другу (Еф. 4: 25). И потому, если мы действительно приготовились к освобождению через Его пришествие, испытаем себя, чтобы увидеть, что и мы, как люди разумные, можем воздать Господу, благодаявшему нам (Пс. 115: 3). И я также, убогий бедняк, пишу-щий вам это послание, пробужденный от сна смерти, большую часть времени моего на земле провел, плача и рыдая, и говоря: «Что воздам я Господу, благодаявшему мне?» (Пс. 115: 3). Ибо нет ничего, чего бы мы были лишены от Него, чего бы не совершил Он для нас в нашем убожестве. Он послал пророков на пророчество и апостолов Своих проповедовать нам Евангелие. И величайшему из всех Его изволений, Сыну Своему Единородному, Он повелел принять образ раба ради нас.

Итак, умоляю вас, возлюбленные мои о Господе, сонаследники святым, пробудите ум ваш к страху Божию. Ибо пусть будет вам внятно слово это: Иоанн, Предтеча Господень, нас ради крестил во оставление грехов, но Духом мы освящаемся во Христе. Приготовимся же во всей святости очистить чувства нашего ума, чтобы стали мы чисты Крещением Иисуса и так смогли принести себя в жертву Богу. И Дух сей Утешитель утешает нас и ведет нас, и возвращает к нашему началу, чтобы открылось наше наследство и власть Его утешающего Духа. Потому все, кто во Христа крестились, во Христа облелись. Нет уже... раба, ни свободно-го, нет мужского пола, ни женского (Гал. 3: 27–28). И всякий телесный язык становится безсилен в то время, когда воспринимают святое наследство и поклоняются Отцу, как подобает, в духе и истине (Ин. 4: 24). И пусть слово

это будет внятно вам; не ждите будущего Суда в том пришествии Иисуса. Ибо в пришествии Его уже суд для всех нас.

Так знайте же, что святые и праведники, облеченные Духом, молят о нас непрестанно, чтобы мы смирились пред Богом и вновь облачились в одежду, которую прежде сняли, нашей умной сущности. Ибо часто глас этот приходил от Бога Отца всем тем, кто облачился Духом, говоря им: *Утешайте, утешайте народ Мой, говорит Господь священникам, говорите к сердцу Иерусалима* (Ис. 40: 1–2). Ибо Бог всегда посещает Свои создания и показывает на них милость Свою.

Истинно, возлюбленные мои, многое еще о Слове истины, которым мы освободились, могу я сказать вам. Но, как сказано, *дай наставление мудрому, и он будет еще мудрее* (Притч. 9: 9). Пусть же Бог мира подает вам бла-

годать и Дух различения, чтобы вы знали, что то, что я пишу вам, есть воля Господня. И пусть Господь Всемилостивый хранит вас в святости до последнего вашего издыхания. Я же всегда молю Бога о спасении всех вас, возлюбленные мои о Господе. Благодать Господа нашего Иисуса Христа да будет со всеми вами. Аминь.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

I

Святой Афанасий. *Житие Антония*: Migne, *Patrologia Graeca*, XXVI, 835–976.

St. Athanasius. *The Life of Antony and the Letter to Marcellinus*, Transl. and Intr. by Robert C. Gregg, London, 1980.

II

Послания:

Латинская версия: Migne, *PG*, XL, 977–1000.

Сирийская версия (только первое послание): ed. F. Nau, *Revue de l'Orient Chretien*, XIV (1909) pp.282–297.

Грузинская версия, с фрагментами коптского оригинала: ed. G Garitte, *Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*, vols. CXVIII (1955: текст), CXLIX (1955: латинский перевод).

III

Слова Антония, включенные в *Apophthegmata Patrum*, см.: Migne, *PG* LXV, 76–88.

Англ. перевод см.: *Sayings of the Desert Fathers*, transl. by Sister Benedicta Ward, Mowbrays, 1975; франц.: *Paroles des anciens. Apophthegmes des peres du desert*. Traduits et presentes par Jean-Claude Guy. Editions du Seuil, 1976.

Современные исследования

Derwas J. Chitty. *The Desert a City* (Oxford, 1966), chapters 1-2.

L. Bouyer, *La Vie de S. Antoine. Essais sur la spiritualite du monachisme primitif*. (S. Wandrille, 1950).

E.R.Hardy, *Christian Egypt* (New York, 1952).

B.Steidle (ed.), *Antonius Magnus Eremita 356–1956* (*Studia Anselmiana* 38: Rome, 1956).

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО АНТОНИЯ, ОПИСАННОЕ СВЯТЫМ АФАНАСИЕМ ВЕЛИКИМ В ПОСЛАНИИ К ИНОКАМ, ПРЕБЫВАЮЩИМ В ЧУЖИХ СТРАНАХ

Предисловие	5
Житие преподобного Антония Великого.....	8

ЧАСТЬ II

ПОСЛАНИЯ СВЯТОГО АНТОНИЯ ВЕЛИКОГО с предисловием епископа Каллиста Диоклийского

Предисловие	157
Вступление.....	164
Послание Антония, отшельника и главы отшельников, братьям, обитающим повсюду.....	181
Библиография.....	254

Печ. л. 8. Формат 70x100/32.
Тираж 5000 экз. Заказ 2716.

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь,
www.pareto-print.ru

